

АЛЕКСЕИ ПАЛАЖЧЕНКО

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

АЛЕКСЕЙ ПАЛАЖЧЕНКО

**ПАРТИЗАНСКИЙ
КОМИССАР**

О Герое Советского Союза

С. В. Руднев

Издание 2-е

Москва · Издательство политической литературы · 1978

- П14 Палажченко А. Е.**
Партизанский комиссар. О Герое Советского
Союза С. В. Рудневе. Изд. 2-е. М., Полит-
издат, 1978.

128 с. (Герои Советской Родины).

Эта книга о Герое Советского Союза С. В. Рудневе, комиссаре прославленного Сумского партизанского соединения, которым командовал дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак.

Мужественный коммунист, страстный пропагандист и агитатор, способный военачальник, С. В. Руднев внес немалую лепту в организацию и развитие всенародной борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны.

Автор книги — киевский писатель А. Е. Палажченко, участник партизанского движения, сражавшийся в рядах соединения С. А. Ковпака.

П $\frac{10604-052}{079(02)-78}$ 221—78

9(С)277

Криница Руднева

Чудесное карпатское утро. Над окаймленной изумрудными горами широкой долиной стоит такая тишина, что даже слышно, как в настоящем на ароматных травах воздухе тонко звенит отяжелевшая от цветочной пыльцы трудолюбивая пчела. Такое же спокойствие витает и там, над дымчато-синей громадой гор, куда я иду, как в удивительно заманчивую сказку.

Впереди сквозь пышную зелень деревьев белеют разбросанные по пологим склонам аккуратные жилища гуцулов, санатории, дома отдыха, пионерские лагеря горного местечка Яремче. И чем ближе я подхожу к его зеленой околице, тем сильнее меня охватывает волнение.

Вот уже и первые приветливые домики.

— День добрый! — неожиданно вышли мне навстречу с боковой улицы мальчик и девочка в пионерских галстуках, с букетами цветов в руках.

— Добрый день! — радостно отвечаю на их приветствие. — Скажите, пожалуйста, до партизанской могилы далеко отсюда?

— Нет, совсем близко, — отвечает белесый мальчик. — Мы как раз туда идем.

— Тогда пойдемте вместе, — и я ближе знакомлюсь с пионерами.

Тоненькая и быстрая, как горная козочка, Ганнуся Белусяк живет в Яремче, окончила пятый класс. А ее двоюродный братишка Ивась Ковальчик — житель Делятина, тоже школьник и учится в пятом классе.

— А вы разве впервые в здешних местах? — неожиданно спрашивает по-взрослому серьезная и

очень любознательная, с черными тугими косами Ганнуся.

— Почти впервые,— говорю и волнуясь еще больше.— Во время войны приходилось бывать вон на тех горах,— показываю на высокие вершины справа,— а в Яремче не был.

— Так вы, может, вместе с комиссаром Рудневым воевали? — в один голос спрашивают мальчик и девочка.

— Да, вместе.

— Я так и догадывалась! — обрадовалась Ганнуся.— И с Радиком — сыном комиссара были знакомы?

— Знаком.

— И разведчика пионера Семенистого знали?

— Не только знал, но и дружил с обоими.

— Ой, как хорошо, что мы вас встретили! — радостно заблестели глазенки у Ганнуся.— Через час у партизанской могилы вся наша дружина имени комиссара Руднева собирается, и вы нам расскажете о героях-партизанах и славном комиссаре?

— Расскажу, обязательно расскажу.

— У нас в Делятине именем комиссара Руднева новый Дом культуры назвали,— горделиво сообщает Ивась, а Ганнуся добавляет:

— В Яремче уже давно городской кинотеатр его имя носит. А сейчас партизанский музей организовывается. В скором времени возле партизанской могилы памятник поставят¹.

Помолчав с полминуты, Ганнуся продолжает:

¹ Действительно, вскоре после этой встречи, осенью 1967 года, в дни празднования пятидесятилетия Советской власти на Украине в центре Яремчи был открыт Народный музей партизанской славы, а у братской могилы сооружен памятник.— *Здесь и далее в сносках примечания автора.*

— А на Дилке, под Белыми Ославами, памятник партизанам уже построили и парк вокруг посадили. Мой дубок тоже растет в том парке. Там когда-то был большой бой партизан с фашистами. Прошлым летом мы туда всей школой на экскурсию ходили, под горой Раховец из криницы Руднева воду пили. А вода в ней студеная, чистая-чистая!

— Я тоже пил из той криницы,— отозвался Ивась.— А знаете, почему ее так назвали? Наш сосед дядя Мироняк, который проводил партизан из Делятина на Белые Ославы, рассказывал, что с незапамятных времен та криница Кодубом называлась. Так вот, перед делятинским боем подъехал к Кодубу комиссар Руднев, соскочил с вороного коня.

— Напьемся, друзья! — молвил своим боевым побратимам и первым приник к живительному роднику. А утолив жажду, вытер черные усы, окинул, как орел, зорким взглядом Карпаты и воскликнул: — Ну и добрая ж водица! Где только не был, а такой не пил сроду! Пейте вдоволь, друзья!

Партизаны пили ту воду, и усталость с них как рукой снимало, крепкая сила разливалась по жилам. А герой-комиссар выехал на дорогу.

— Вперед, товарищи! — призывно махнул рукой и повел своих славных воинов на новые бои, до окончательной победы...

Вот и стали у нас с той поры родник Кодуб криницей Руднева называть.

— А я знаю, где камень Руднева находится, — как горный родничок звенит чистый голос Ганнуси. И девочка ожидающе смотрит на меня.

— Возможно, камень Довбуша? ¹ — переспрашиваю удивленно.

¹Довбуш — предводитель отряда карпатских крестьян, боровшихся в 1738—1745 годах против феодально-крепостнического гнета.

— Э-э-э, нет,— загадочно улыбается Ганнуся.— То камень Довбуша само собой, их много в наших горах. А есть еще в Карпатах и камень Руднева. На горе Вовкотаров фашисты окружили партизан. У людей от усталости и голода подламывались ноги, на исходе были патроны и гранаты. И казалось, что уже нет такой силы, которая подняла бы их на ноги, и что уже всех ожидает могила. Тогда поднялся на той горе на камень Руднев и произнес речь. И таким огнем, такой силой наполнились сердца воинов, что все они, как один, бросились в бой за любимым комиссаром и разорвали кольцо окружения...

И уже новая легенда сжимает волнением мое сердце, и мне хочется крепко-крепко прижать к своей груди и Ганнусю, и Ивася, и всех жителей гор, которые создали, свято хранят и передают своим детям чудесные волнующие сказания о пламенном комиссаре.

— А вот и партизанская могила! — показывая вправо, говорит Ивась.

Поворачиваем к большому скверу, обсаженному высокими грабами и развесистыми кленами. И я уже не могу оторвать взгляд от священного места, где вечным сном спят герои.

Могилу, обрамленную серым гранитом, торжественно, как символ бессмертия и вечной славы, венчает урна, покрытая красным знаменем. На могиле свежие цветы. А вокруг как безымянные часовые стоят стройные карпатские ели и русские березы.

Вместе с Ивасем и Ганнусей кладу на могилу цветы и на плитах читаю дорогие, родные сердцу имена: Герой Советского Союза генерал-майор Семен Васильевич Руднев, его сын Радик, Галя Борисенко, Алексей Деркач, Александр Прилуцкий, Джамбек Рустамов, Петр Скрыльник... Более семидесяти имен.

О, как много каждое из них говорит о себе моему сердцу! Верные незабываемые друзья. Наш дорогой и любимый комиссар — душа и совесть партизанских отрядов, комиссар моей юности!..

А тем временем к скверу приближается колонна пионеров. Невдалеке останавливается автобус. Из него выходят с цветами в руках празднично одетые крестьяне и спешат к партизанской могиле. Это колхозники горного села Старуня приехали почтить светлую память комиссара, чье имя вот уже столько лет носит их колхоз. За ними прибыли воины Советской Армии, идущие по следам Карпатского рейда.

— Низкий поклон вам, герои. Земной поклон и вечная память тебе, бессмертный комиссар, наш партизанский Данко с огнем Прометея в сердце, — шепчут мои уста, а в памяти, будто кадры захватывающего фильма, одна за другой всплывают живые картины героической жизни и борьбы комиссара Руднева, — и я начинаю рассказывать о замечательном человеке.

Коммунист не бывает в отставке

Отшумели первые осенние дожди. В начале октября 1939 года установилась тихая солнечная погода. Осень щедро украсила золотом и багрянцем раскинувшиеся по склонам голубого Сейма рощи, отяжелевшие от плодов сады, молодые парки в древнем Путивле.

В один из ясных октябрьских дней в канцелярию 1-й Путивльской школы вошли стройный в военной форме мужчина средних лет и очень похожий на него юноша.

— Семен Васильевич Руднев, — отрекомендовался директору школы военный. — А это мой сын Радий,

ученик восьмого класса,—показал он на юношу.— Я долгие годы служил в Красной Армии, а теперь нахожусь в отставке и вместе с семьей приехал в Путивль на постоянное место жительства. Прошу принять моего сына в вашу школу.

Директор школы Павел Степанович Пятышкин обрадовался, что у них будет учиться сын человека, знающего военное дело.

Когда оформили прием и Радий ушел на уроки, между Рудневым и Пятышкиным завязался разговор о военно-патриотическом воспитании школьников.

— Наши ребята проявляют большой интерес к военным знаниям, любят спорт. Многие из них мечтают стать командирами Красной Армии,—говорил Пятышкин.— Учителя стараются воспитывать молодежь на революционных и боевых традициях, прививать любовь к военному делу. Однако практически в этом отношении мы делаем очень мало. К сожалению, в нашей школе даже нет военного кабинета.

— Хорошо, я помогу вам,—пообещал Руднев.

После этого разговора Семен Васильевич стал почти ежедневно бывать в школе. Он консультировал преподавателей физкультуры и других учителей, помог оборудовать военную комнату, достать для нее наглядные пособия, спортивный инвентарь. Отцу помогал Радий.

Через некоторое время С. В. Руднев познакомился с директором 2-й Путивльской школы Григорием Яковлевичем Базымой, которому тоже не отказал в помощи. Потом зашел в педагогическое училище и там поинтересовался военно-спортивной подготовкой, прочитал несколько лекций и начал вести практические занятия.

Однако все это мало удовлетворяло деятельную натуру Семена Васильевича.

— Я отставник, но ведь я коммунист, а настоящий коммунист никогда не бывает в отставке,— заявил однажды Руднев в райкоме партии.— Для меня и моей семьи хватает пенсии, назначенной государством, но я не могу, не имею морального права сидеть без дела и пойду на любую работу.

Рудневу предложили возглавить районный совет Осоавиахима, он с радостью согласился.

Не прошло и двух месяцев с того дня, как во главе осоавиахимовцев стал Руднев, и тихие путивльские улицы огласились походными песнями, на окраине города начали соревноваться ворошиловские стрелки и буденновские конники, на опушке леса за Сеймом забелели палатки допризывников. На предприятиях, в школах и колхозах района оживилась работа первичных организаций общества, возникли новые спортивные и оборонно-массовые кружки. В одном из двухэтажных зданий в центре города по инициативе Руднева открыли Дом обороны, который стал центром военно-спортивной подготовки трудящихся района. В нем хорошо оборудовали военные кабинеты, классы, в которых проводились занятия с осоавиахимовцами. Невдалеке построили тир. Члены спортивного общества изучали винтовку, противогаз, учились стрелять из пулемета, оказывать первую помощь раненым, активно участвовали в военно-спортивных играх.

Энергичный и жизнерадостный, требовательный к себе и к подчиненным, Руднев, казалось, не знал усталости. После напряженного рабочего дня он каждый вечер долго просиживал над военными книгами и топографическими картами. Его находчивости и умению работать с людьми можно было только позавидовать. Он часто выезжал в села, помогал на местах организовывать осоавиахимовскую работу,

по-отечески провожал молодежь на службу в армию.

Весной 1941 года по предложению Руднева члены общества собрали деньги, на которые приобрели три учебных самолета У-2. На них тренировались юные авиаторы, учившиеся на курсах летчиков, организованных при районном Доме обороны.

Однако в районе еще были люди, которые осо-авиахимовскую работу считали чуть ли не забавой. С одним из таких как-то встретился С. В. Руднев.

— Вы, Дмитрий Михайлович, в гражданскую, кажется, полком командовали?

— Нет, батальоном,— ответил тот.

— Тоже неплохо! — обрадовался Семен Васильевич.— А теперь справились бы? Нам сейчас для одного дела нужны командиры, и я дам вам батальон.

— Куда там, разве ротой попробовал бы командовать. Вот уже более пятнадцати лет в отставке хожу и многое забыл,— сокрушенно сознался бывший командир, а потом, улыбнувшись, будто невзначай добавил: — К тому же что это за рота из осо-авиахимовцев?..

— И сейчас вы нигде не учитесь? — будто не услышал пренебрежительного оттенка в словах собеседника Руднев.

— Нет.

— Зря. Знания добываются тяжело и долго, а забываются легко и скоро. Особенно военные,— с упреком сказал Семен Васильевич.

— Будучи свидетелем этого разговора,— рассказывал как-то уже в партизанском отряде политрук Покровский,— я понял, что Руднев — сильный, волевой человек и обязательно добьется намеченной цели, что в ближайшее время он затевает что-то новое, интересное. Вскоре мои догадки подтвердились. Когда в колхозах окончились весенне-полевые работы, Се-

мен Васильевич объехал почти все села и дал команду своим осоавиахимовцам готовиться к «большому бою». А потом поехал в Глухов к шефам, поделился с ними своими планами и замыслами. Командование военной танковой части пообещало ему всяческую поддержку и помощь.

К небывалым тактическим учениям членов добровольного общества все готовились с большим энтузиазмом и увлечением. В ночь с 21 на 22 июня к Путивлю, где «оборонялись синие», потянулись из сел батальоны и роты осоавиахимовцев. Из Глухова должно было подойти танковое подразделение, чтобы вместе наступать на «укрепленный противником» Путивль. Во втором часу ночи над городом должны были появиться самолеты и бросить осветительные ракеты — сигнал к началу всеобщего «штурма». Но в первом часу небо заволокло тучами, ударил гром, как из ведра хлынул дождь, продолжавшийся до рассвета. Учебные самолеты, базировавшиеся на аэродроме под Конотопом, так и не поднялись в воздух. Не прибыли и танки из Глухова: утром над всей страной внезапно разразилась военная гроза.

Во главе отряда

1

Путивльский райком партии поручил С. В. Рудневу организовать истребительный батальон в городе и истребительные группы в селах района. Когда батальон был создан, Руднев стал его командиром, а начальником штаба утвердили Г. Я. Базыму. За городом начали проводиться стрельбы, тактические

учения, устраивались многокилометровые переходы и ночные марши по пересеченной местности. Руднев умело готовил людей и сам готовился к тяжелым испытаниям.

Фронт приближался к Путивлю. Бойцы истребительного батальона дежурили по городу, несли патрульную службу, контролировали мосты на реках Сейм и Клевень, вылавливали вражеских парашютистов и лазутчиков. Затем весь личный состав батальона перешел на казарменное положение и расположился в Доме обороны. Оборудовали мастерскую, в которой ремонтировали оружие, изготавливали бутылки с горючей жидкостью.

Еще в июле, выполняя решения партийных органов, Путивльский райком партии начал комплектовать подпольные партийно-комсомольские организации и партизанские отряды. В лесах закладывались базы, в городе и по селам намечались конспиративные квартиры. Были созданы три партизанских отряда, бойцами которых стали партийные и советские активисты, бывшие осоавиахимовцы, обученные С. В. Рудневым.

Партизанский отряд, возглавляемый председателем Путивльского городского Совета С. А. Ковпаком, при приближении фашистов должен был выйти на запад от города в Спадщанский лес. Местом расположения для второго отряда под командованием С. В. Руднева избрали Новослободской лес в восточной части района. К северу от города, в урочище Марица, закладывала свою базу группа партизан, в которую вошли активисты сел Литвиновичи и Воргол. Командиром у них утвердили председателя колхоза «Вільний край» С. Ф. Кириленко.

В последних числах августа фронт находился в 15—20 километрах севернее Путивля по реке Кле-

вень. В городе расположились ближайшие тылы наших войск.

6 сентября по распоряжению Сумского обкома партии 25 коммунистов — бойцов истребительного батальона во главе с Рудневым выехали в Сумы на краткосрочные партизанские курсы. Двадцать шестым среди них был семнадцатилетний сын командира комсомолец Радий Руднев. Через десять дней путивляне должны были вернуться домой. Но на четвертые сутки после их отъезда из Путивля город захватили фашисты. Наши войска отошли на юго-восток, за реку Сейм.

Обстановка усложнялась с каждым днем, и медлить нельзя было ни минуты. На экстренном заседании бюро обкома партии из путивльских курсантов организовали партизанский отряд. Командиром отряда бюро утвердило С. В. Руднева, начальником штаба — Г. Я. Базыму. Перед путивлянами была поставлена задача: немедленно выйти через линию фронта в свой район для развертывания там партизанской борьбы.

2

В 25 километрах восточнее Путивля Сейм круто поворачивает на запад и по широкой долине несет свои воды к Десне. Над излучиной по правому холмистому берегу реки зеленой лентой тянется Новослободской лес. На одном из холмов, сверкая на солнце, вздымаются башни и купола старинного монастыря. Видимо, поэтому в здешних местах этот лес называют еще Монастырским.

12 сентября 1941 года отряд С. В. Руднева переправился через Сейм недалеко от излучины, у по-

селка Теткино, и расположился в полукилометре от монастыря. Но с первых же дней перехода линии фронта партизаны оказались в очень трудных условиях. Ранее заложенная здесь продовольственная база была обнаружена предателем и разграблена. Пришлось немедленно менять место дислокации отряда.

Крайне тяжелое положение усложнялось еще и тем, что партизаны находились во фронтовой полосе. Ходившие в разведку бойцы доложили Рудневу, что все дороги, ближайшие села и хутора буквально кишат гитлеровцами.

С. В. Рудневу, как командиру отряда, необходимо было скорее узнать о положении в Путивле и в западной части района, где должен был действовать отряд С. А. Ковпака. Но посланный им на выполнение этого задания боец Коханов не возвратился. Позднее стало известно, что он попал в руки фашистов и погиб на виселице.

Ничего утешительного не дала и повторная разведка. Боец Клипиков, ходивший в Путивль, не справился с заданием. Он попал под влияние вражеской пропаганды и, вернувшись в лес, начал сеять панические слухи о мощи оружия и непобедимости оккупантов, о нецелесообразности борьбы против них. А вскоре исчез из отряда.

Тяжелая обстановка и подлый поступок Клипикова разлагающе действовали на личный состав. Руднев понимал, что в создавшейся обстановке самое главное — уберечь людей, сохранить отряд как боевую единицу. Но чтобы справиться с этой задачей, необходимо прежде всего рассеять сомнения в душах партизан, поднять их настроение, восстановить пошатнувшуюся дисциплину. И он, проявляя максимум настойчивости, силу воли и такт, терпеливо бе-

седовал с каждым бойцом, а потом вопрос о дисциплине в отряде вынес на партийное собрание.

— В основном в нашем отряде собрались люди испытанные, преданные партии и Родине,— горячо говорил Руднев.— Но в семье, как говорится, не без уroda. К нашему стыду, среди нас нашлись такие, которые спасовали перед трудностями. В этих условиях наша задача — усилить идейно-воспитательную работу в отряде. Нельзя забывать, что мы оставлены в тылу врага, чтобы выполнить не только свой гражданский и воинский долг, но и наказ партии. Имея звание полкового комиссара, я мог бы уйти в армию. Но я коммунист, и мое место там, куда направила партия. И я буду драться против фашистов до полного их изгнания с нашей земли, до окончательной победы и не пожалею для этого жизни. Нужно, товарищи, брать пример с таких патриотов, как Кожанов, который не выдал нас с вами, хотя за это фашисты обещали ему сохранить жизнь.

Командира решительно поддержали коммунисты Г. Я. Базыма, Е. Т. Дудка, Я. Г. Панин, Н. П. Политуха, П. С. Пятыйкин. Их выступления против нытиков и паникеров помогли партизанам преодолеть временную растерянность и малодушие.

Поднять моральный дух личного состава отряда помогло и то, что С. В. Руднев установил связь с воинской частью генерала Чеснова, державшей оборону на левом берегу Сейма. Выполняя задание штаба воинской части, партизаны вели наблюдение за противником, проникали в расположение его частей, добывали сведения о вооружении, количестве и передвижении гитлеровцев. Все это они оперативно передавали за Сейм. Армейцы помогали партизанам вооружением, боеприпасами, медикаментами.

Однажды разведчики привели в лагерь, находив-

шийся в это время невдалеке от села Юрьево, пробиравшихся к фронту окруженцев. Восьмерых бойцов при оружии и полной боевой форме вел капитан Тимофей Владимирович Капорин. В беседе с Рудневым, который умел быстро располагать к себе людей, капитан рассказал, что он уроженец этих мест и, хотя уже несколько лет не был в родном селе Бруски, домой заходить не собирается. Не то время. Долг командира велит ему скорее перейти фронт.

— Здесь тоже можно бить фашистов,— сказал Руднев и осторожно предложил: — Может, останетесь у нас? Нам очень нужны люди с военным образованием, и ваши бойцы составили бы хорошее пополнение.

— Нет, мое место на фронте. Я командир батареи, а вы сами хорошо знаете, как нужны сейчас такие специалисты в армии,— наотрез отказался Капорин. Помолчав, он добавил: — Не вы первый делаете мне такое предложение. В лесу западнее Путивля, через который мы шли, тоже действуют партизаны. Их командир, коренастый пожилой человек, угощая нас обедом, говорил мне:

— Думаешь, мы в лес отсиживаться пришли? Уже при помощи тола ковырнули на большаке несколько машин с гитлеровцами. А скоро и пушки заимеем. Тогда нам дозарезу нужны будут такие артиллеристы, как ты и твои хлопцы.

— Так ведь это же Ковпак!— будто сделав какое-то очень важное открытие, обрадовался Руднев.

— Да, Ковпак его фамилия,— подтвердил Капорин.— Видно по всему, что этот смелый и толковый старик собирает большие силы.

— Хорошо, Тимофей Владимирович,— оживился Руднев.— Спасибо за приятное сообщение. А сейчас я выделю двух провожатых, которые знают мест-

ность и помогут вам перебраться через Сейм. Пусть же сопутствует вам боевая удача! — пожелал на прощание Руднев и крепко пожал капитану руку.

Возвратившиеся на третьи сутки проводящие доложили, что во время ночной переправы через Сейм в группе Капорина погиб один боец, остальные благополучно перешли фронт и присоединились к воинской части. Из штаба части проводившие принесли пакет. Генерал Чеснов и его комиссар Мангушев в короткой записке благодарили Руднева и всех партизан отряда за оказанную помощь, желали дальнейших боевых удач и сообщали, что в связи с осложнением общей обстановки в скором времени часть вынуждена будет сменить занимаемые позиции.

Действительно, 12 октября подразделения части генерала Чеснова отошли дальше на восток.

Силы удвоились

1

Задумываясь о развитии партизанского движения, анализируя сложившиеся обстоятельства и первый опыт борьбы в тылу врага, С. В. Руднев все чаще приходил к мысли, что в современной войне наряду с мелкими диверсионными группами на оккупированной территории необходимо создавать крупные партизанские отряды и соединения, способные вести не только оборонительные, но и наступательные бои. Наличие в тылу врага больших партизанских сил заставит оккупантов всегда быть в напряжении, держать в населенных пунктах гарнизоны, усиливать охрану коммуникаций и военных объектов, оттягивать для этого с фронта целые военные части.

Этими соображениями Руднев поделился с начальником штаба Г. Я. Базымой, к которому всегда относился с большим уважением, и был очень доволен, что Григорий Яковлевич полностью разделяет его мысли. А каковы на это взгляды других партизанских командиров, в частности С. А. Ковпака?

Руднев еще во время работы в Путивле хорошо узнал этого человека, прошедшего большую жизненную школу. Он был уверен, что Сидор Артемьевич, партизанский вожак еще в годы гражданской войны, правильно поймет его при встрече, окажет поддержку. Поэтому, когда создалась благоприятная обстановка, Семен Васильевич, посоветовавшись с Базымой и активом отряда, решил передислоцироваться в Спадщанский лес.

Встретив на марше два небольших харьковских отряда под командованием Воронцова и Погорелова, перешедших несколько дней тому назад линию фронта, Руднев предложил им вместе продвигаться дальше на запад. Харьковчане охотно согласились. Утром 18 октября 1941 года, пройдя около 40 километров, отряды прибыли в Спадщанский лес. Очень обрадовались этой встрече Ковпак и Руднев и все путивльские партизаны.

— Это хорошо, товарищи, что вы прибыли сегодня,— говорил, беседуя с Рудневым и Базымой, Сидор Артемьевич Ковпак.— За Клевенью, километрах в двадцати—тридцати отсюда, в урочищах Должик и Марица, располагаются отряды соседних районов. Мы установили с ними связь и договорились с командованием собраться, чтобы потолковать о создавшейся обстановке, положении в отрядах и о совместных действиях против оккупантов. Собрание должно состояться завтра в штабе нашего отряда.

— Правильно, Сидор Артемьевич! — радостно

произнес Руднев, убедившись, что он не ошибся, что взгляды Ковпака на дальнейшее развитие партизанской борьбы полностью совпадают с его взглядами.— Воевать в создавшихся условиях такими мелкими отрядами, как наши, против сильного и хорошо вооруженного противника — это значит провалить все дело, преждевременно обречь себя на гибель.— И, выбрав удачный момент, предложил: — Давай, Сидор Артемьевич, объединяться. Это удвоит наши силы.

— Давай, Сэмэнэ Васильовичу. Я давно мечтаю маты такого комиссара, как ты,— пощипывая жиденькую бородку, улыбнулся Ковпак.— До мэнэ он уже приедналысь два взвода окруженцев и группа воргольских партизан. Подывысь, яки орлы! — показал на молодых веселых бойцов, старательно чистивших под сосною оружие.

— Да, ребята замечательные! — посмотрел на красноармейцев Руднев.— С такими воевать можно. Одним словом, ты Сидор Артемьевич, командуй, а я по старой привычке останусь комиссаром, буду тебе помогать во всем.

На том и порешили. Объединение было узаконено приказом: «Путивльские отряды объединить в один отряд с командованием: командир объединенного отряда — Ковпак С. А., комиссар — Руднев С. В., начальник штаба — Базыма Г. Я., помощник начальника штаба — Курс Н. М.»¹.

Весь личный состав объединенного отряда разбили на оперативные группы (так в первый год борьбы путивляне называли боевые роты.— А. П.). Каждой группе определили место расположения не вдалеке от базы и сектор обороны на опушке леса. Штаб расположился в центре. В отдельные подраз-

¹ До объединения Н. М. Курс был начальником штаба в отряде Ковпака.

деления были выделены группы разведчиков, минеров, хозяйственная часть, комендантский взвод и медицинская служба. В каждую оперативную группу подобрали и назначили командира, его помощника, командиров взводов и отделений. (Немного позже в оперативные группы назначили политруков.) Такая организационная структура, по мнению С. А. Ковпака и С. В. Руднева, должна была вполне обеспечить жизнь и боевую деятельность отряда.

Харьковские отряды отвели в Соловьевское лесничество, поближе к селу Литвиновичи, где они могли вполне обеспечить себя продовольствием.

С этого дня началась горячая неразрывная дружба С. А. Ковпака и С. В. Руднева, сыгравшая огромную роль в развитии партизанского движения не только в Сумской области, но и на всей Украине. Разные по характеру и образованию, Ковпак и Руднев сходились в самом главном: в непоколебимой верности великому ленинскому делу, в горячей любви к Советской Родине, в самоотверженном служении Коммунистической партии и народу. Боевое содружество Ковпака и Руднева ярко напоминает нам трогательную и красивую в своей верности дружбу народных героев гражданской войны Чапаева и Фурманова.

2

В 12 часов дня 19 октября в Спадщанском лесу началось совещание представителей семи отрядов. На нем присутствовали: от Путивльского отряда — Ковпак и Руднев, от Харьковских отрядов — Воронцов и Погорелов, от Глуховского — Кульбака и Белявский, от Конотопского — Кочемазов и Канавец, от Шалыгинского — Саганюк и Матющенко.

Воронцов и Погорелов сообщили, что они имеют две портативные радиостанции, поддерживают постоянную связь с командованием Красной Армии и знают общую обстановку. Это всех приободрило. Сразу же договорились о совместных действиях против гитлеровцев и радиовали об этом на Большую землю.

Совещание еще не окончилось, как вдруг Спадцанский лес загремел рокотом моторов, треском пулеметных очередей, разрывами снарядов...

С. А. Ковпак так описывает этот бой в своей книге «Из дневника партизанских походов».

«— Танки! Немцы наступают! — взволнованно передал часовой.

Командиры побежали к своим отрядам. У штаба остались двенадцать путивлян. Весь наш отряд находился на заставах, наблюдательных пунктах, в дозорах и разведке.

Танки с открытыми люками шли по дороге со стороны Путивля. Дорога не была заминирована, ею мы пользовались сами. Головным, подминая под себя кусты и деревья, двигался тяжелый танк, за ним — средний...

Мы залегли за деревьями и открыли огонь по люкам. Фашисты тотчас их захлопнули... Грохоча гусеницами и изрыгая пламя, бронированные чудовища пронеслись в направлении землянок. Я приказал Курсу, Терехову и Кокину немедленно заминировать выход из леса, а сам с Рудневым, Базымой, Паниным, Политухой, Алешиным и Челядиным кинулся вслед за танками. Расчет оправдался: танки вскоре остановились, впереди них было мелкоколесье, густой кустарник, а дальше болото. Там не пройти. Пробираясь кустарником, мы подошли к танкам почти вплотную. Смотрим, стоят оба борт к борту, тяжелый прикрывает средний. У среднего открыт

сверху люк, из него высунулся наблюдатель. Но смотрит он не в нашу сторону, а в другую. Очевидно, потерял ориентировку.

Руднев выстрелил из самозарядной винтовки по наблюдателю, и тот, как мешок, свалился в люк. Партизаны повеселели, кто-то бодро крикнул: «Ура!» Все открыли огонь. Тяжелый танк развернулся и... помчался назад по дороге. Средний оставался недвижим. Подошли ближе. Бросили гранату. Руднев вырвался вперед, вскочил на танк сзади, со стороны мотора, заглянул в люк и закричал:

— Ура! Машина наша!

Победа полная! Видимо, танкисты удрали на тяжелом. Нам достался совершенно исправный танк, если не считать выпавшего из гусеницы пальца. Боекомплект почти не израсходован.

Вдруг со стороны, куда умчался тяжелый танк, раздался сильный взрыв, за ним последовало несколько беспорядочных и более слабых. Побежали в ту сторону. На дороге полыхает пламя. Горела развороченная взрывом громада танка, а в его утробе рвутся снаряды и патроны. Из-за деревьев выглядывали Курс, Терехов и Кокин. Это они забросали подорвавшийся на mine танк бутылками с горючей смесью».

А к вечеру стало известно, что на большаке Путивль — Рыльск на партизанской mine подорвался еще один тяжелый танк.

— Вот это сегодня удача! — радовались партизаны. — Шутка ли, в один день вывести из строя три танка!

— Это действительно удача, товарищи, но фашисты не простят нам такой потери, — предостерег Руднев.

— О, они дуже прыткие, так и гляди, что завтра опять пожалуют в гости,— согласился с комиссаром Ковпак и распорядился произвести добавочное минирование подходов к лесу, хорошо подготовиться к обороне.

На другой день, как и предполагали Ковпак с Рудневым, в девять часов утра появились каратели. Шесть танков и подъехавшая на 14 машинах пехота наступали с двух направлений. Партизаны затаились, ни единым выстрелом не обнаруживая своей линии обороны. Остановившись на опушке и открыв огонь из всех видов оружия, фашисты двумя танками попытались углубиться в лес. Но сразу же раздалось два мощных взрыва. Это сработали партизанские мины. Вытащив на буксирах подорванные танки, каратели отошли на приличное расстояние в поле и опять открыли ураганный огонь. Но Спадщанский лес молчал словно заколдованный. В половине дня фашисты отправились восвояси, так и не выяснив судьбу своих нелепо потерянных вчера танков.

Мы не случайно так подробно остановились на этих первых схватках партизан с фашистами. Эти бои, ставшие боевым крещением Путивльского объединенного отряда, раскрыли слабые стороны противника и укрепили у партизан веру в собственные силы. В отряде начала заметно укрепляться дисциплина, возрос авторитет партизан среди местного населения.

Очень высоко поднялся в глазах всех партизан комиссар Руднев, проявивший в этих боях свои организаторские и военные способности, исключительную смелость и выдержку, находчивость и умение при любых обстоятельствах руководить людьми. Сильно возросло его влияние на весь личный состав отряда.

В последней декаде октября и в первых числах

ноября партизаны взорвали четыре моста на реках Сейм и Клевень на важном пути, по которому двигались вражеские войска к фронту. Руднев не только руководил подготовкой партизан-подрывников к диверсиям, но и сам участвовал в них.

«Однажды пасмурным осенним утром в расположении нашего отряда появился Руднев,— рассказывал мне об одной из этих операций бывший минер Харьковского отряда Герой Советского Союза В. М. Яремчук.

— Николай Иосифович,— покручивая черный ус, обратился Руднев к командиру отряда Воронцову,— приближается 24-я годовщина Октября, и какие мы будем партизаны, если не отметим этот праздник ударом по врагу? Мы с Ковпаком решили провести одну серьезную операцию. Мне кажется, что и вашим минерам стоило бы пойти с нами.

Еще во время совместного перехода из Новослободского в Спадщанский лес мне полюбился этот деятельный и решительный, всегда внимательный к людям, привлекательный человек, и я первым согласился идти вместе с Рудневым.

...Длинной цепочкой с тяжелым грузом за плечами пробирались мы по лугу редким лозняком. Под ногами противно чавкала болотная грязь. Когда обошли вражеские посты и без единого выстрела приблизились к переправе на реке, Руднев залег с автоматом на пригорке и молвил:

— Работай, Вася, спокойно, мины закладывай хорошо. На случай чего, буду прикрывать тебя до последнего патрона.

Его слова подбодрили меня, тогда еще неопытного минера, придали силу и уверенность, и когда через четверть часа я поджег бикфордов шнур, на Сейме почти одновременно прогремели такие взрывы, что

в Путивле в домах новоиспеченных гитлеровских правителей повывлетали стекла из окон.

Как установили потом наши разведчики, спешившая на фронт и остановившаяся той ночью в Путивле на отдых немецкая часть была задержана на несколько дней. Вместо отдыха гитлеровцам пришлось, прочесывая пойму Сейма, бродить по зарослям и торфяникам, наводить переправу, которая вскоре опять была взорвана партизанами.

На второй день после Октябрьских праздников наш отряд ушел далее на север Сумщины. Но после той памятной диверсии под Путивлем у меня будто крылья выросли за плечами. Сколько потом я взорвал мостов, пустил под откос поездов! И всегда, когда шел на очередную операцию или сидел в засаде, поджидая эшелон, вспоминал комиссара Руднева, вдохновившего меня на первый боевой подвиг».

В конце октября недалеко от Путивля на партизанской mine подорвался тягач, тащивший на платформе неисправный танк. Вечером того же дня Руднев с двадцатью бойцами отправился на место происшествия.

Машины на дороге не охранялись. С танка партизаны сняли 70 снарядов, 15 тысяч патронов, пулемет и... пионерское знамя! Все были удивлены: зачем немцы возили его с собой?

— Как зачем? — объяснил Руднев. — Хвастливые гитлеровцы ограбили в каком-то селе школу и взяли красный флаг как боевой трофей.

— Вот это вояки! — негодуяще-презрительно бросил кто-то из партизан.

— Товарищи! — обратился к бойцам Руднев. Голос его звучал взволнованно, торжественно. — Не было у нас раньше своего партизанского флага, теперь мы его имеем. Вот оно, наше боевое знамя! Под

ним мы будем громить немецко-фашистских захватчиков до их окончательного изгнания с нашей земли, до полной победы! — Комиссар развернул полотнище, стал на колени и поцеловал его.

...В полночь партизанские подводы, груженные богатыми трофеями, двинулись в направлении Спадчанского леса.

Через несколько дней по просьбе комиссара партизанские медсестры Галя Борисенко и Мотя Бобина вышли на красном полотнище слова: «Путивльский объединенный партизанский отряд». Так у путивлян появилось свое боевое знамя, которое они освободили из фашистской неволи и берегли потом как свою самую дорогую реликвию. Под этим знаменем партизаны Ковпака и Руднева прошли с боями тысячи километров по тылам врага, совершили много героических подвигов. После войны боевое знамя ковпаковцев сохраняется в Государственном историческом музее Украинской ССР в Киеве.

* * *

В осенние ночи 1941 года на боевые операции вместе с Рудневым ходил и его сын Радик.

«...Отметить группу минеров в составе: Курса, Юхновца, Терехова, Островского, Руднева Радика, Яремчука и комиссара партизанского отряда Руднева Семена Васильевича, принимавшего активное участие вместе с минерами в операциях по взрыву мостов, — говорится в приказе по Путивльскому объединенному отряду от 26 октября 1941 года. — Материалы представить Правительству СССР для награждения. Приказ объявить всему личному составу».

Эти материалы радисты передали на Большую землю, и группа партизан, в том числе и С. В. Руднев, были удостоены высоких правительственных наград.

* * *

Развертывая с каждым днем все шире боевые действия, Ковпак и Руднев большое внимание обратили на дальнейшее укрепление обороны Спадщанского леса и боевую учебу партизан.

«Командиры групп и отделений осваивают тактику организации диверсий на коммуникациях противника, засад и боя в ночном налете на вражеский гарнизон, в разведке, в обороне,— записал об этом периоде в дневнике С. А. Ковпак.— Здесь, в условиях тяжелой партизанской действительности, нам всем крепко пригодились знания военного дела, приобретенные в кружках Осоавиахима. Особенно помогает опыт учебной работы бывших активистов-осоавиахимовцев Руднева, Базымы, Попова, Панина».

3

Будучи комиссаром, С. В. Руднев каждый свой шаг, каждую минуту времени умело использовал для проведения политической работы, воспитания коллектива и отдельных людей. Этому в большой мере способствовало активное личное участие комиссара в боевой жизни отряда.

Однако не легкое было это дело — вести политическую работу во время очень сложной обстановки первого военного полугодия, в условиях вражеской оккупации. Даже такому способному и опытному воспитателю, каким был Руднев, и то приходилось порой очень трудно. Ветераны партизанской борьбы на Путивльщине и сейчас рассказывают о таком интересном эпизоде¹.

¹ Далее приводится рассказ бывшего секретаря партийной комиссии партизанского соединения Я. Г. Панина. В по-

Как ни странно, в тяжелую осень 1941 года самым трудным подразделением в отряде оказалась третья оперативная группа, состоявшая сплошь из военнослужащих, пришедших к партизанам из окружения. Командиром ее был Федор Андреевич Карпенко. Требовательный, но справедливый и бескорыстный, он имел большое влияние на бойцов, таких же мужественных и жизнерадостных, каким был сам. Вместе с тем в характере Карпенко иногда проявлялись и такие черты, как озорство, упрямство, которые отрицательно сказывались на всей группе. Например, в группе никто не назывался по фамилии. Каждый имел прозвище. Давал прозвища сам Карпенко, и подчиненные ему партизаны нисколько не обижались на него. Они сами называли своего командира Карпом и готовы были идти за ним, как говорится, в огонь и воду.

Был такой случай. Партизаны в силу сложившихся обстоятельств молча продвигались к намеченному пункту длинным окольным путем. Вдруг тишину нарушил голос Карпенко:

— Стой, ребята! Разве у нас ноги железные, чтобы лишних десять километров топтать? Пошли напрямик, я проведу!

— Правильно, Карпо! — насмешливо крикнул кто-то из бойцов третьей группы. — Им, этим штатским, везде фашисты мерещатся, а их там и в помине нет.

И уже ни уговоры, ни веские доказательства не могли изменить решения Карпенко. И плохие последствия ожидали его группу, если бы не комиссар Руднев.

слевоенные годы товарищ Панин работал заведующим партийным архивом Киевского обкома КП Украины. Сейчас на пенсии.

Эпизод, который мог стать роковым для С. В. Руднева, начался, можно сказать, с пустяка, с обыкновенного варенья. Дело в том, что, закладывая базу в Спадцанском лесу, Ковпак, как рачительный хозяин, вместе с другими продуктами вывез туда с Путивльского плодоконсервного завода несколько бочек варенья.

Когда группа красноармейцев во главе с Карпенко в полной военной форме и с автоматами пришла к Ковпаку и с обоюдного согласия было оформлено ее присоединение к отряду, довольный Ковпак произнес радостно: «А тэпэр, хлопци, поласуйте нашими витаминами»,— и распорядился выдать красноармейцам целую бочку варенья.

— Спасибо, Сидор Артемьевич,— поблагодарил Карпенко.— Этого ценного продукта нам теперь хватит на целую зиму.

Но молодые ребята, падкие до сладкого лакомства, по-своему поняли щедрость Ковпака.

— Ты что, Карпо, собираешься, как поп, причащать нас вареньем из чайной ложечки? — съязвил Тимофей «Ушлый».

— Да у них тут этих витаминов видимо-невидимо! — воскликнул Иван «Намалеванный». — Дадут еще!

— Конечно, дадут! Им-то, старикам, употреблять сладости вредно для здоровья: быстро зубы выппадают,— глубокомысленно рассудил Николай «Мудрый».

— Ты, Колька, действительно мудрый, как киевский князь Ярослав,— захохотал старшина группы Александр «Венера». — Ставьте, ребята, посудину на свежем воздухе возле землянки, здесь народ честной...

Бочку с вареньем поставили под сосной у входа в

землянку, вскрыли, нашли увесистый черпак и устроили, по выражению Николая «Мудрого», «святую трапезу». Насытившись сладостями, ребята разошлись, а бочка с висящим на суку черпаком осталась на месте.

Это не понравилось комиссару Рудневу, который в любых условиях соблюдал во всем сдержанность и умеренность, был образцом чистоты и аккуратности в быту и требовал этого от других. К тому же приближалась зима, отряд увеличился более чем вдвое, а запасы варенья быстро уменьшались. По совету комиссара было решено установить более рациональное использование продуктов питания. Варенье предложили выдавать по поллитровой банке на двух человек в сутки.

Когда весть об этом распоряжении дошла до третьей группы, ее командир с политруком Руденко были в штабе, и в землянке, хотя там находилось немного людей, поднялся невероятный шум: «С каких это пор партизанам начали норму устанавливать?» — закричали недовольные голоса. «Банка на двоих! Да это же меньше нашего черпака!..» «Это все комиссар Руднев выдумывает! И откуда он здесь взялся на нашу голову?..» «Не иначе как выскочка какая-то, карьерист!..» «Да что тут, ребята, шуметь без толку, — донеслось из полумрака верхних нар. — Прихлопнуть при удобном случае этого комиссара, и делу конец...»

Эта необдуманная, в слепой запальчивости брошенная фраза охладила горячие головы. Все сразу же стихли, сникли и, не смея взглянуть друг другу в глаза, разбежались из землянки.

К вечеру того же дня в штабе стало известно о нехорошей выходке партизан третьей группы.

— Ка-а-а-а, бунтовать? Прихлопнуть комисса-

ра?! — расвирепел Ковпак и потянулся к висевшему на стене автомату.— Да я им, сморкачам, собственной рукой головы снимаю! Ишь распустились, стервецы, по тылам шляючись. В армии во какая была дисциплина!

— Успокойся, командир, не горячись,— побледнев, заговорил Руднев.— Конечно, этого так оставить нельзя, но и кричать на ребят, наказывать их тоже не нужно. Просто еще не время. Попробую пойти в землянку и потолковать с ними по душам.

— Тоби, що, Сэмэнэ, життя надоело? — немного поостыв, удивился Ковпак.— Возьми с собою хоч человек чотыре охороны, або ж видклады на завтра, днем сходишь, бо то таки чорты, що действительно можуть убить.

— Нет, завтра ни к чему, не то впечатление. Пойду сейчас,— настоял на своем комиссар.— И никакой охраны. Я даже личное оружие хочу здесь оставить,— и, положив на стол португеею с пистолетом, уверенный в своей правоте шагнул в ночную тьму...

«Руднева не было до полуночи,— вспоминает Яков Григорьевич Панин.— Все это время я стоял возле штаба, тревожно вслушивался в лесную тишину: вот-вот, с минуты на минуту приглушенно хлопнет выстрел... Ковпак тоже не спал, часто выходил из землянки, спрашивал: «Ничего не слышно?» «Ничего,— отвечал я,— все должно закончиться хорошо». Но как ни старался убедить в этом и себя, и Ковпака, душу терзали сложные, противоречивые чувства».

Что-то невообразимое творилось в этот вечер и в душах людей третьей группы, которую комиссар застал в полном сборе на отдыхе.

Семен Васильевич, назвав часовому пароль, тихо

приоткрыл дверь, зашел в полутемное помещение, поздоровался. Люди сидели вокруг пышащей жаром печки, лежали на нарах, курили. Видно было, что между ними только что окончилась крупная перепалка. На приветствие ответили вяло, вразнойой.

— Нежданный гость хуже татарина,— громко произнес Руднев, чтобы завязать разговор.

— Почему же нежданный? — смутился командир отделения Васильев, достававший палкой картошку из печки.— Присаживайтесь, товарищ комиссар, попробуйте нашего ужина.

— С удовольствием,— улыбнулся Руднев.— Люблю печеную картошку еще со времен гражданской войны.

— А вы разве и в гражданскую воевали? — заинтересовался сосед Васильева.

— Приходилось.— Руднев протянул руку за картофелиной. Дрова в открытой печке вспыхнули и под отвернувшейся полой меховой безрукавки на груди комиссара заблестел эмалью орден.

— И награду за бои с белогвардейцами получили?

— Нет, это позже,— не спеша ответил Руднев.— За Дальний Восток.

— Да что вы! — воскликнул Васильев.— Я ведь тоже служил на Дальнем Востоке. Расскажите, товарищ комиссар, все сначала.

— Что ж, можно и рассказать.

— Конечно, это должно быть интересно,— услышалось с нар.— Рассказывайте...

— Родом я из этих мест,— спокойно зазвучал голос Руднева.— Невдалеке от села Берюх, где на прошлой неделе на нашей mine подорвался немецкий танк, есть небольшая деревушка Моисеевка. Там я родился и вырос. Семья наша была большая — че-

Красногвардейцы Русско-Балтийского воздухоплавательного завода. Первый слева С. В. Руднев. Декабрь 1917 г.

Командир партизанского соединения С. А. Ковпак (справа) и комиссар С. В. Руднев. Ноябрь 1942 г.

Группа партизанских разведчиков собралась на боевое задание. Комиссар С. В. Руднев (сидит) беседует с ними. Справа от него стоят заместитель командира соединения по разведке П. П. Вершигора и секретарь партбюро Я. Г. Панин.

С. В. Руднев
с сыном
Радием.

На концерте партизанской художественной самодеятельности. В первом ряду в центре сидят (слева направо): С. В. Руднев, Д. С. Коротченко, С. А. Ковпак.

Партизаны ведут бой с врагами на реке Припять. Второй слева С. В. Руднев. Апрель 1943 г.

С. В. Руднев (слева) беседует с ранеными партизанами.

Перед выходом в Карпатский рейд комиссар С. В. Руднев попрощался с секретарем ЦК КП Украины Д. С. Коротченко. 12 июня 1943 г.

На привалах партизан окружали местные жители. Митинг в селе Старая Гута. Комиссар С. В. Руднев (в центре) выступает с речью.

Карпатский рейд начался. Справа налево: С. А. Ковпак, С. В. Руднев, Г. Я. Базыма.

В Карпатах. Крестьянка угощает партизан молоком. Июль 1943 г.

В штабе соединения разрабатывается план удара по Битковским нефтепромыслам. Июль 1943 г.

Памятник С. В. Рудневу в Путивле, на родине героя.

Монумент на братской могиле партизан-ковпаковцев, погибших в бою во время Карпатского рейда, в г. Яремче.

тырнадцать ртов. А земли своей в поле — ни шага. Обработывали исполу помещичью. Трудились день и ночь. Мне, мальцу, тоже пришлось и чужой скот пасти, и бороновать распаханное поле, и снопы таскать. Но как мы ни старались, а чужая земля была для бедняков мачехой. Заработанного хлеба хватало только на выплату аренды да себе до ползимы.

Безземелье и нужда заставили старшего брата Василия выехать в поисках заработка в Петербург. А в 1914 году, окончив церковноприходскую школу, приехал к нему и я. Приютил нас родственник — старый революционер Савелий Кузьмич Тверитинов, работавший мастером на Русско-Балтийском воздухоплавательном, или, как теперь называют, авиационном, заводе. Сперва бегал рассыльным у мастера, а потом стал учиться на столяра. Работать приходилось по 12—14 часов в сутки, а платили за это гроши. В городе, как и в деревне, царили каторжный труд, нищета и угнетение.

Савелий Кузьмич и его друзья, большевики-подпольщики, растолковали мне, почему так тяжело живет рабочему люду, рассказали о Ленине, борцах за освобождение трудящихся от помещиков и капиталистов, начали давать поручения. А осенью шестнадцатого года я уже сидел в «Крестах» за распространение большевистских листовок. Тюрьма, издевательства жандармов на допросах еще больше усилили ненависть к царскому строю и всем эксплуататорам, усилили желание бороться против них.

Когда через несколько месяцев меня, как несовершеннолетнего, выпустили из тюрьмы, в Петрограде началась революция и мы с братом записались в красногвардейский отряд. Вместе с восставшими рабочими громили жандармские участки, разоружали

полицию, вылавливали городских. В начале марта 1917 года я стал членом Коммунистической партии. А ровно через месяц в моей жизни произошло второе очень важное событие: 3 апреля я был в охране Финляндского вокзала, куда из-за границы приехал Владимир Ильич Ленин. Слушая его историческую речь, произнесенную с броневика, дал клятву: не выпускать из рук оружия, пока не победит социалистическая революция, пока не будут окончательно разгромлены враги трудящихся.

Потом участвовал в штурме Зимнего, защищал революционную столицу от казаков Краснова, охранял штаб революции Смольный, дрался на Украине против петлюровцев, в продотряде заготавливал хлеб для голодающего Петрограда, в 1919 году командовал взводом на Южном фронте. Под Ливнами в бою с денкинцами был тяжело ранен. После выздоровления окончил курсы и работал инструктором политотдела Донецкой трудовой армии, которая восставливала разрушенный денкинцами Донбасс, был комиссаром школы младшего комсостава в прославленной Сивашской дивизии. После окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина в 1929 году работал комиссаром полка в Севастополе, комиссаром артиллерийской бригады, а потом начальником политотдела и комиссаром строящегося укрепрайона на Дальнем Востоке. Помните хетагуровское движение?

— Ну а как же? — отозвался Васильев. — Тогда на призыв Вали Хетагуровой много наших ребят и девушек выехали обживать дальневосточный край, строить Комсомольск-на-Амуре.

— И построили, — продолжал Руднев. — А это движение зародилось в одной из частей нашего гарнизона. Я хорошо знал комсомолку Хетагурову, да-

вал ей рекомендацию в партию. К нам тогда почти из всех частей приезжали учиться, как лучше организовать быт и культурный досуг красноармейцев, шефскую работу среди строителей и пограничников. За образцовое выполнение заданий партии и правительства по укреплению дальневосточных рубежей и успехи в боевой и политической подготовке войск я часто получал благодарности от командования, был награжден орденом Красной Звезды. А вскоре я ушел в отставку и приехал в Путивль. Когда началась война, просился на фронт. Но место коммуниста там, куда его пошлет партия. Остался партизанить, организовал отряд. Чтобы крепче бить фашистов, объединился с Ковпаком, стал вашим комиссаром. Как видите, больше двадцати лет честно служу партии и народу, — с гордостью сказал Руднев, — а среди вас нашлись такие, которые меня карьеристом, выскочкой называют, грозятся прихлопнуть при удобном случае. Так вот, я пришел к вам без оружия. Убивайте здесь, потому что, если это случится во время боя, могут погибнуть многие, а то и весь отряд...

— Убивать? Комиссара?! — как ужаленный подхватился с нар Карпенко. — И такая гадина завелась в моей группе?! Кто-о-о? Признавайся! — обвел всех уничтожающим взглядом.

— Не будем, товарищ Карпенко, устраивать допрос, уточнять кто, — направляясь к выходу, посоветовал Руднев. — Пусть это на всю жизнь останется на его совести.

В землянке воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Все молчали, смущенно опустив головы.

— Ну смотрите мне, отныне я за вас не так возьмусь! — свирепо пригрозил Карпенко и выбежал вслед за комиссаром.

После этого вечера Руднев почти ежедневно навещал третью группу, беседовал с ее командиром и бойцами, ходил вместе с ними на боевые операции, но никогда и словом не обмолвился о том, что произошло здесь из-за варенья. Этот инцидент забывался, а люди все больше привязывались к комиссару. Прошло полгода, и третья группа по дисциплине и по своим боевым делам стала одним из лучших подразделений в отряде. Сильно изменился и сам Карпенко. Все реже и реже стали проявляться, а потом и вообще исчезли неуравновешенность и другие отрицательные черты в его характере. И когда Федор Андреевич Карпенко решил вступить в партию, комиссар Руднев не задумываясь первым дал ему рекомендацию.

* * *

С. В. Руднев много внимания уделял развертыванию широкой агитационно-массовой работы среди населения. В отряде был создан агитколлектив, в который вошли наиболее подготовленные и имеющие в этом деле опыт коммунисты и комсомолы. Руководителем агитколлектива стал бывший инструктор Путивльского райкома партии Яков Григорьевич Панин.

Комиссар пристально следил за работой агитколлектива, инструктировал агитаторов, отправляя их в села, заботился, чтобы они были обеспечены надежной охраной. Особое внимание Семен Васильевич обращал на качество, содержательность бесед и на внешний вид агитаторов. Он требовал, чтобы каждый агитатор был выбрит, опрятно одет, культурно и вежливо обращался с людьми. «Помните, товарищи,— напутствовал Руднев,— что вы идете к людям не только как воины и их защитники, но и как предста-

вители Советской власти на оккупированной врагом земле, и на вас будет смотреть все село».

Партизанские агитаторы проводили среди крестьян беседы и собрания, рассказывали им о положении на фронтах, призывали не выполнять распоряжений оккупантов, во всем активно помогать партизанам. В противовес лживой геббельсовской пропаганде, кричавшей, что Москва взята немецкими войсками, партизаны читали сводки Совинформбюро, распространяли листовки, рассказывали о героической обороне столицы нашей Родины, о беспримерных подвигах ее защитников, о мужественной борьбе партизан. Это теснее сближало народных борцов с населением, укрепляло доверие людей к партизанам, в лице которых они видели своих надежных защитников от грабежей и насилия оккупантов. В результате у ковпаковцев начали появляться новые помощники, в каждом населенном пункте устанавливались крепкие связи с патриотами, оставшимися на оккупированной территории. При помощи партизан в селах Воргол, Черепово, Литвиновичи, Стрельники, Новая Шарповка, Юрьево, Спадщина, Яцыно, Ротовка оживилась деятельность комсомольско-молодежного подполья, во многих деревнях и хуторах возникли новые патриотические группы.

Накануне 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции партизанские агитаторы по поручению комиссара Руднева провели во многих селах Путивльского, Шалыгинского, Глуховского и Кролевецкого районов торжественные собрания, посвященные этой знаменательной дате. Это подняло дух населения, укрепило его веру в непобедимость Советской власти.

1

Словно колючая заноза, как бельмо на глазу стал для фашистских оккупантов Спадщанский лес. Они бросали в него подразделения жандармов и отряды полиции, засылали шпионов и лазутчиков, а партизанская база в междуречье Сейма и Клевени продолжала стоять неприступной крепостью.

Но вот поредели лесные чащобы. Морозы, очень рано начавшиеся той осенью, сковали льдом затоны и болотистые низины, прикрывавшие подступы к лесу. Этим и воспользовались гитлеровцы.

От подпольщиков и разведчиков Ковпаку и Рудневу стало известно, что в последних числах ноября в Путивль прибыли пехотный немецкий батальон, несколько рот венгерской жандармерии, кавалерийский эскадрон, отряды полиции из соседних районов. Видно было по всему, что на этот раз оккупанты собираются окончательно расправиться с партизанами. Однако хозяева Спадщанского леса тоже не сидели сложа руки. Они усиленно готовились к оборонительному бою.

Как и предполагали партизанские командиры, гитлеровцы, стянув около трех тысяч солдат, заняли окружающие Спадщанский лес села и утром 1 декабря начали наступление. Партизан насчитывалось всего 75 человек. Целый день мужественно держали они оборону. Ковпак, Руднев, Базыма, Курс умело руководили боем. Очень пригодился ранее захваченный и отремонтированный партизанами танк. Он стоял на высотке, откуда можно было стрелять в любом направлении, и при надобности поддерживал

своим огнем каждую оперативную группу. Точно по цепям наступающих посылал мины и батальонный миномет.

Однако партизанам приходилось очень туго. Несмотря на большие потери, гитлеровцы упорно лезли вперед. К концу дня на участке, где обороной руководил Базыма, создалось угрожающее положение. В критический момент на помощь начальнику штаба подошел Руднев, только что отбивший атаку на своем участке. Увидев Семена Васильевича, бегущего прямо на фашистов, за ним с криками «Ура!» устремились бойцы группы Карпенко. Командир отделения Васильев вырвался вперед и заслонил собой комиссара. Гитлеровцы не выдержали контратаки наших храбрецов и повернули вспять.

Начало темнеть. Оставив на поле боя более сотни убитых солдат и офицеров, подбитую машину с 75-миллиметровой пушкой на прицепе, фашисты отошли.

Недаром говорится, что ночь — верная и надежная спутница партизана. Вовремя подоспела она и сейчас. Еще бы одна атака фашистов — и всем конец. Отбиваться было нечем. Партизаны полностью израсходовали боеприпасы.

Где-то вдалеке раздавались еще одиночные выстрелы, а Ковпак и Руднев собрали в штабной землянке командиров и политруков оперативных групп.

— Обстановка сложилась тяжелая, — начал совещание Ковпак. — В неравном бою мы достигли успеха. Но гитлеровцы отошли недалеко. Как доложила разведка, они остановились в окружающих селах и хуторах, чтобы завтра опять начать наступление. У нас же полностью вышли боеприпасы, и пополнить их нет никакой возможности. Поэтому нужно решить, что делать дальше.

— Я считаю,— поднялся Руднев,— что лучше стойти и продолжать борьбу с фашистами, чем остаться в своем лесу и погибнуть.

Все согласились с предложением комиссара.

— Я тоже такой думки,— подытожил совещание Кобпак.— И выходить нужно этой же ночью. Пиши, Базыма, приказ о выступлении. Махнем на север, в направлении Брянских лесов.

Так путивлянами было положено начало рейдовой маневренной войны в тылу врага, о которой Руднев уже не раз говорил Ковпаку.

Собирались быстро. В рюкзаки и походные мешки положили только необходимое. Все, чего нельзя было взять в дорогу, закопали в землю. Захваченные у противника машину, пушку и танк, так хорошо послуживший партизанам, подорвали. Три гулких взрыва прогремели салютом павшим сегодня в бою товарищам. Их похоронили невдалеке от штабной землянки под ветвистой сосною.

Когда в полночь выстроенная к походу колонна поравнялась со свежей братской могилой, все остановились, сняли головные уборы.

— Поклянемся, товарищи! — всколыхнул морозную тишину звонкий взволнованный голос комиссара, и утомленные изнурительным боем патриоты поклялись памятью погибших не выпускать из рук оружия, пока хотя бы один вражеский солдат будет топтать советскую землю.— Прощайте, дорогие боевые друзья! Память о вас навсегда останется в наших сердцах... Прощай, наш родной дом — Спадщанский лес, мы еще вернемся к тебе! — Руднев бросил последний взгляд на могилу, землянку и быстро пошел на свое место в голове колонны.

Через неделю путивльские партизаны остановились в Хинельском лесу на стыке Сумской, Курской и Орловской областей. Местом стоянки командование избрало усадьбу лесничества в 35-м квадрате леса, где были условия для того, чтобы после 150-километрового похода люди смогли отдохнуть, помыться в бане, привести себя в порядок.

Появление здесь Путивльского отряда, слухи о действиях которого распространялись очень быстро, сыграло положительную роль в развитии партизанского движения в этой местности.

К путивлянам сразу же пришли люди, жаждущие бороться против оккупантов. Многие приходили с оружием. Командование отряда тщательно отбирало пополнение из местных жителей и попавших в окружение фронтовиков. Согласно установленному порядку, с каждым лично беседовали командир, комиссар, а потом уже прием оформляли приказом в штабе. За несколько дней отряд увеличился до 200 человек, хорошо обеспечил себя оружием и боеприпасами.

Значительно возросло в отряде количество коммунистов и комсомольцев. На проходивших в подразделениях собраниях были организованы партийно-комсомольские группы и первичные партийные организации, избраны парторги. На общем партийном собрании было избрано и утверждено приказом командования бюро партийной организации отряда в составе А. И. Коренева, Я. Г. Панина, Г. А. Юхновца. Секретарем партийного бюро избрали опытного партработника Я. Г. Панина. Всю работу партийной организации и ее бюро возглавлял и направлял комиссар Руднев.

Еще никогда у командования отряда не было столько хлопот, как в те декабрьские дни. Но путивляне беспокоились не только о своем отряде. Они установили связи с местными подпольщиками, партизанскими группами и отрядами, проводя вместе с ними диверсии и операции по разгрому вражеских гарнизонов, делились боевым опытом и опытом массово-политической работы среди партизан и населения, вовлекали советских людей в активную борьбу против оккупантов. Так, при всемерной помощи ковпаковцев были подготовлены к боевым действиям Севский, Хомутовский, 1-й имени Ворошилова, Хинельский, Ямпольский, Есманский и другие отряды, не проявлявшие до этого времени особой активности. Некоторые из них вошли на правах оперативных групп в Путивльский отряд, но, пройдя боевую стажировку, опять были выделены для самостоятельных действий в своих районах.

* * *

Тихий морозный вечер. В бревенчатой натопленной избе — двое: командир и комиссар.

— Хорошими людьми пополняется отряд, — делится с Ковпаком своими впечатлениями Руднев. — Отраднo, что в оперативных группах новички при помощи ветеранов сразу включаются в учебу и боевую работу.

— Теперь, Сэмэнз Васильевичу, мы будем возрастать и дальше, — раскуривая сигарку, отвечает Ковпак. — Видишь, как народ зашевелился.

— Это безусловно. Пополнение будет прибывать к нам ежедневно. Впереди — новые бои, походы. Поэтому, Сидор Артемьевич, я считаю, что настало время всем отрядом в торжественной обстановке принять присягу.

— Верно, комиссар! Это еще больше подымет дух наших бойцов и командиров, повысит авторитет отряда в глазах населения,— оживился Ковпак.— Только вот где ее взять, эту присягу?

— Эта проблема разрешима,— улыбнулся Руднев и подал лист бумаги.

— Посмотри, командир, я здесь написал... Только нужно будет прочитать всем активом, подправить.

Тотчас создали членов бюро, начальника штаба Базыму, его помощника Курса. Текст присяги читали вслух, взвешивали каждое слово, обдумывали каждое предложение.

— Да что там говорить, товарищи, наш комиссар знает, как писать такие вещи,— молвил одобрительно Ковпак и, посмотрев на начальника штаба, распорядился:— Готовь, Григорий Яковлевич, приказ о приведении к присяге всех бойцов и командиров отряда.

12 декабря возле помещения штаба поставили стол, накрыли красным полотнищем, ровными рядами выстроились партизаны при полном вооружении. Люди аккуратны, подтянуты. Немного поодаль во дворе лесничества собралось много народу — местные партизаны и жители поселка.

Ровно в 12 часов дня раздалась команда начальника штаба Базымы:

— Отряд, смирно! Равнение на знамя!

Знаменосцы чеканя шаг пронесли боевое знамя отряда и остановились у стола.

Первым выступил С. А. Ковпак. Кратко остановившись на итогах трехмесячной борьбы в тылу врага, он сказал:

— Когда мы уходили в партизаны, каждый из нас в душе поклялся биться с оккупантами до полной победы. Сегодня же мы все вместе должны по-

клясться перед строем своих товарищей, перед развернутым знаменем на верность матери-Родине, на верность идеям партии большевиков, — и торжественным голосом, выразительно произнося каждое слово, прочел текст присяги:

«Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын своего героического народа, вступая в ряды партизанского отряда, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский оккупант на нашей земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь — за кровь! Смерть — за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму.

Если же по своей слабости, трусости или же по злему умыслу я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру позорной смертью от руки своих товарищей».

За командиром краткую речь произнес комиссар:

— Товарищи! Братья! Сегодня мы принимаем партизанскую присягу перед красным знаменем, отвоеванным у фашистов. Под этим знаменем наша славная молодежь — комсомольцы и пионеры — клялись свято выполнять заветы великого Ленина, быть достойными своих отцов, любить и беречь, как род-

ную мать, нашу советскую землю. В грозную годину этот флаг стал знаменем Путивльского партизанского отряда. Поклянемся же, товарищи, что под этим знаменем мы до последней капли крови будем бороться против немецко-фашистских захватчиков!

Грозное партизанское «Клянемся!» всколыхнуло морозную тишину Хинельского леса.

Вслед за Рудневым присягнули по старшинству все командиры и бойцы отряда.

Сам факт принятия присяги, торжественность обстановки, как и предполагали Руднев с Ковпаком, произвели огромное впечатление и на партизан и на местных жителей. На глазах у многих здесь присутствующих стариков и женщин от волнения блестели слезы. Восторгом горели глаза девушек и детворы.

В дальнейшем каждый новичок, вступающий в отряд, принимал эту присягу, обязательно скрепляя свою клятву собственноручной подписью.

3

В ту первую военную зиму в северных районах Сумщины лежали глубокие снега, целыми неделями стояли тридцатиградусные морозы, бушевали метели. Командование отряда принимало решительные меры, чтобы за счет трофеев и добровольных сборов среди населения обеспечить весь личный состав теплой одеждой и обувью. Для быстрого продвижения в зимних условиях отряд в достаточном количестве обзавелся верховыми лошадьми и санным транспортом.

В конце декабря, услышав по радио о разгроме фашистов под Москвой, Ковпак и Руднев решили немедленно выступить в поход, чтобы новыми дивер-

сиями и ударами по врагу поддержать наступление Красной Армии. Партизаны внезапно появлялись в селах Середино-Будского, Знобь-Новгородского, Шосткинского, Ямпольского, Червоного, Глуховского, Кролевецкого, Путивльского и Шалыгинского районов, нападали на вражеские гарнизоны, подрывали мосты и железнодорожные составы, портили линии связи, громили комендатуры и управы оккупантов, разоружали полицию, захватывали склады с хлебом и продовольствием и раздавали продукты населению.

Партизанские агитаторы распространяли среди населения листовки со сводками Совинформбюро, рассказывали людям о разгроме гитлеровцев под Москвой. Во многих селах на собраниях и митингах перед большой аудиторией выступал С. В. Руднев.

В непрерывных боях и походах отряд приобретал опыт, закалялся, пополнялся людьми и вооружением. Постепенно из отдельных подразделений начали формироваться самостоятельные боевые единицы с оперативным подчинением единому штабу. Таким образом были образованы Конотопский и Кролевецкий отряды, входившие раньше в Путивльский отряд на правах оперативных групп. В начале 1942 года к путивлянам присоединились отряды соседних Глуховского и Шалыгинского районов. Так в ходе все большего развертывания борьбы против оккупантов на севере Сумщины начала складываться как единое целое группа партизанских отрядов, за которой со временем утвердилось название Соединение партизанских отрядов Сумской области под командованием Ковпака и Руднева.

Во всех отрядах после их объединения с путивлянами были избраны самостоятельные партийные бюро, которые подчинялись комиссару соединения С. В. Рудневу. Партийное бюро Путивльского отряда

не имело полномочий для руководства партийной работой в других отрядах. Однако сама по себе сложилась практика, согласно которой секретарь партбюро Путивльского отряда Я. Г. Панин проводил совещания секретарей партбюро всех отрядов, входивших в соединение, контролировал оформление ими личных дел коммунистов, правильность ведения партийного хозяйства и приема в партию, инструктировал их по всем вопросам внутрипартийной жизни. Панин систематически информировал комиссара Руднева, осуществлявшего общее партийное руководство, о состоянии партийно-массовой работы во всех отрядах и подразделениях соединения.

* * *

Встревоженные нарастанием партизанской борьбы, гитлеровские захватчики бросили против ковпаковцев регулярные войска своих сателлитов — 105-ю венгерскую дивизию. Сосредоточив силы в Кролевце, Глухове, Путивле, Шалыгино, оккупанты начали преследовать партизан. При этом, проходя через села, они учиняли жестокую расправу над мирными жителями, грабили их имущество.

В последних числах февраля, когда Ковпак и Руднев готовились в селе Дубовичи Глуховского района провести партизанский парад в честь 24-й годовщины Красной Армии, на заставах произошли первые стычки с карателями.

— Хорошее дело ты придумал, комиссар,— высказался Ковпак в штабе, подписывая приказ о проведении парада.— Этот смотр наших сил будет иметь не только большое морально-политическое значение для партизан и населения, но и сослужит нам хорошую службу. Только его надо провести так, чтобы

противник подумал, что нас в двадцать раз больше, чем есть в действительности. Ведь это же факт, что завтра на параде среди населения будут вражеские лазутчики. Поэтому надо распусть слух, что мы проводим парад не всего своего войска, а только представителей отдельных частей.

— Правильно, Сидор Артемьевич,— понял комиссар замысел Ковпака.— Каратели не должны знать наших сил. Пусть думают, что нас много. Это охладит их горячие головы. К тому же принимать здесь бой для нас очень невыгодно.

— Позиция в самом деле неподходящая,— задумался Ковпак.— До самого Глухова равнинная степь. Но все-таки как-то нужно проучить этих грабителей. За что наш народ должен переносить такие издевательства?!

— Не только проучить, но и отбить охоту гоняться за нами, или же, как выражаются военные, взять инициативу в свои руки.

— Эх, было бы у мэнэ зараз десятка два станкачей да патронов вдоволь, я показал бы им, где раки зимуют,— почесал затылок Ковпак.

— А что, ежели этих вояк в ботинках и легких шинелишках заставить наступать на нас по глубокому снегу? Мороз же, Сидор Артемьевич, аж трещит.

— Это идея! — обрадовался командир.— Навяжем им бой, только не здесь, конечно. Обмиркуемо этот вопрос после парада.

23 февраля к девяти часам утра, как и было объявлено раньше, на центральной площади большого села Дубовичи, украшенного красными флагами, собралось около двух тысяч жителей. На примыкающей к площади улице выстроились партизаны. В девять часов к импровизированной трибуне, где стояло командование, с рапортом подошел командующий

парадом заместитель начальника штаба по разведке лейтенант Горкунов:

— Товарищ командир! Представители частей введенного вам соединения выстроены для парада. Охрана села обеспечена!

На покрасневших от мороза лицах стариков и женщин, юношей и девушек — радость за не покорившихся врагу партизан.

После краткого приветствия Ковпака мимо трибуны чеканя шаг прошли стрелки, автоматчики, пулеметчики. За ними в белых халатах проследовали лыжники. Через небольшой интервал пронеслась кавалерия, за ней на санях проехали подразделения станковых пулеметов и минометов. Последней шла артиллерия. Ковпак при приближении пулеметчиков громко провозглашал: «Приветствую в вашем лице все пулеметные подразделения!» Заметив, что к трибуне приближаются артиллерийские упряжки, обращался: «Товарищи, поздравляю вас с 24-й годовщиной Красной Армии и в вашем лице приветствую артиллеристов всего соединения!»

После парада провели многолюдный митинг, на котором с речью выступил комиссар Руднев. Потом партизанские радисты установили громкоговоритель и наладили трансляцию радиопередач из Москвы. Сотни людей со слезами радости на глазах слушали московского диктора. Потом загремела музыка...

Народная молва о партизанском параде в Дубовичах радостной вестью покатила от села к селу, от города к городу по всей оккупированной Украине, значительно преувеличивая силы партизан.

К вечеру стало известно, что хитрость Ковпака удалась. У вражеских разведчиков сложилось впечатление, что соединение и его огневая мощь намного больше, чем они видели на параде. Противник отка-

зался от намеченного наступления и начал подтягивать к Дубовичам резервы. Партизаны же получили возможность заманить врага туда, где будет более удобно его бить.

Руднев и Ковпак знали, что четыре станковых и полтора десятка ручных пулеметов, два батальонных и четыре ротных миномета, две 45-миллиметровые пушки, двадцать автоматов и около трехсот винтовок, которыми они располагают, не составляют и третьей части вооружения, имеющегося у противника. Но они также знали свои преимущества и рискнули пойти на это дерзкое сражение. Местом оборонного боя избрали степное село Веселое Шалыгинского (теперь Путивльского) района.

— Сейчас же, Григорий Яковлевич, высылайте разведчиков и готовьте приказ о выступлении в поход, — посоветовал Руднев Базыме. — Дорога каждая минута. Необходимо на месте хорошо подготовиться к бою.

Через час после совещания в штабе партизаны вышли в дорогу.

...Утро 28 февраля. Тридцатиградусный мороз. Вокруг белой пеленой простирается заснеженная равнина. Партизаны вырыли в сугробах окопы, ходы сообщения, заняли оборону. Когда на подступах к селу показались вражеские колонны, Руднев, обходя позиции, говорил партизанам:

— Товарищи, давайте биться так, чтобы потом о Веселовском бое песни в народе слагали!

Вот гитлеровцы, открыв минометный огонь, уже шли цепями по ровному как стол заснеженному полю. Их было много. Партизаны, экономя боеприпасы, подпустили врага на близкое расстояние и открыли прицельный огонь. Руднев, переходя от подразделения к подразделению, направлял огонь пуле-

метчиков, задушевым словом поддерживал бойцов. И партизаны стояли насмерть, отбивая одну за другой атаки врага.

В разгар боя Семен Васильевич заметил, что на левом фланге умолк пулемет. А враг был уже совсем близко и с минуты на минуту мог уцепиться за колхозные постройки на краю села.

— Ребята, почему не стреляете? — бросился к пулеметчику Семен Васильевич, и в тот же миг вражеская пуля угодила ему в лицо.

— Комиссар ранен! — тревожная весть пронеслась среди партизан. — За кровь Руднева! — и бойцы бросились на врага.

Жестокий бой с шестью вражескими батальонами длился до вечера. Оставив на снегу вокруг Веселого много трупов своих солдат и офицеров, противник отошел в ближайшие села.

Соединение с честью выдержало экзамен на боевую зрелость. Но победа досталась партизанам ценою крови их лучших товарищей. 15 мужественных и отважных бойцов, в том числе и комиссар Глуховского отряда А. П. Белявский, смертью героев легли в этом неравном бою.

Ночью партизаны, у которых осталось совсем мало боеприпасов, выскользнули из Веселого и взяли курс на север. Запряженные в легкие сани, лошади быстро мчались по заснеженной целине. Посреди колонны на санях, застланных сеном, лежал раненый Руднев. Он был в тяжелом состоянии. Пуля повредила язык, голосовые связки и вышла под правым ухом.

Узнав, что на станции Хутор-Михайловский проживает старый врач-хирург, партизанские разведчики рискнули пробраться к нему, хотя там и располагался фашистский гарнизон. Бойцы четвертой

группы во главе с Пятышкиным ночью разбудили хирурга и привезли его в отряд, временно расположенный в лесном селе недалеко от станции. Опытный врач Самохвалов оказал помощь раненому, дал партизанским медикам советы, как его лечить, и той же ночью был доставлен домой.

Сделав несколько переходов, партизаны остановились в селе Старая Гута Середино-Будского района, на южной окраине Брянского леса, где они побывали еще во время первого зимнего рейда.

Семен Васильевич выздоравливал быстро, и через несколько недель стал на ноги. Много усилий для этого приложила его жена Домникия Даниловна Руднева, которая не зная отдыха дни и ночи находилась возле раненого комиссара. После Веселовского боя ее вместе с семилетним сыном Юриком партизаны привезли в отряд. До этого Домникия Даниловна тайно проживала у родственников на путивльских хуторах, поддерживая постоянную связь с партизанами и выполняя их поручения. Своей лаской, вниманием и материнским отношением к раненым эта заботливая трудолюбивая женщина быстро заслужила глубокое уважение всех партизан.

В Брянских лесах ковпаковцы подлечили раненых, запаслись боеприпасами и вооружением, вместе с орловскими и брянскими партизанами провели несколько боевых операций. Здесь же в начале апреля 1942 года при помощи штаба Юго-Западного фронта в соединение была доставлена радистка Катя Коноваленко с радиостанцией. Наладилась постоянная связь с Большой землей, с Москвой.

С этого времени по традиции, установленной комиссаром Рудневым, ежедневно в 18 часов во всех подразделениях, если даже соединение было на марше, раздавалась команда: «Читать сводку!» Аги-

таторы читали бойцам сообщение Совинформбюро, только что принятое по радию. Систематические известия с фронтов Отечественной войны ободряли партизан, вливали в них новые силы в тяжелой борьбе против оккупантов.

4

1 мая 1942 года в Старой Гуте состоялся парад и митинг, а 15 мая партизанское соединение Ковпака — Руднева выступило в новый рейд.

...На западе за темно-синей полосой леса багрово догорает майский день. Партизанские отряды готовятся к очередной операции. Красивый, стройный, по-военному собранный комиссар стоит на Вишневых горах и задумчиво глядит вдаль. Внизу, в повитой вечерней дымкой долине, петляет река. За ней на широкой равнине видны села и хутора, а далеко на горизонте — древний Путивль. Правее в голубоватом тумане заманчиво синееет Спадщанский лес. Туда и решено провести отряды ночью и, расположившись лагерем, нанести удары по вражеским коммуникациям, протянувшимся к Харькову. Это — задание Москвы, задание Родины. Но на пути соединения в селах по Клевени, которая с севера прикрывает подходы к Спадщанскому лесу, оккупанты поставили гарнизоны и сильно охраняют переправы.

Кое-кто из командиров предлагал разгромить один из шести гарнизонов, форсировать реку и до рассвета проскочить в Спадщанский лес. Но Руднев категорически воспрепятствовал.

— Если мы нанесем удар лишь по одному гарнизону, завтра пять других вражеских группировок навяжут нам бой, который отвлечет нас от выполне-

ния главной задачи — диверсий на железной и шоссейных дорогах. Поэтому необходимо громить все гарнизоны вместе, притом в одну ночь. Хотя противник и превосходит нас количеством, но ему не известны наши силы, и он не может предвидеть направления главного удара. Наступление партизан по всему тридцатикилометровому фронту будет для фашистов абсолютной неожиданностью и создаст впечатление, будто с севера на них идет целая армия, прорвавшаяся в тыл.

После изучения и детального обсуждения на совещании командиров и политработников соединения этот план был одобрен и принят к выполнению. И вот теперь, когда комиссар всматривается туда, где в полночь должен начаться бой, все уже проверено, взвешено, учтено. Подготовлены ударные группы, каждой из них определена задача, разработаны маршруты.

Фиолетово-оранжевые сумерки постепенно окутывают заклевенские дали. Ночь опускается на землю. На командном пункте на Вишневых горах в сопровождении связных появляются Ковпак, начальник штаба Базыма, его помощники.

— Быть дождю, — приблизившись к Рудневу, говорит Сидор Артемьевич. — Вишь, какая темень залегает.

— Тем лучше для наших бойцов, — бодро звучит в ответ голос комиссара, и они уже вдвоем всматриваются в густую тьму, куда ушли боевые подразделения.

Впереди не видать ни единого огонька, не слышно ни малейшего шороха. Медленно тянутся минуты напряженного ожидания. Но вот справа донесся глухой топот копыт, а через несколько минут из потемок вынырнул всадник:

— Товарищ командир, радиограмма с Большой земли, наша радиостанция приняла,— протянул пакет разведчик Миша Семенистый.

Ковпак пошарил в карманах пиджака и, не найдя очков, передал письмо комиссару.

Руднев накрылся плащ-палаткой, осветил карманым фонариком, распечатал конверт и, пробежав по белому клочку глазами, радостно воскликнул:

— Сидор Артемьевич, дорогой, тебе Героя присвоили! Указом Президиума Верховного Совета...¹

Все бросились поздравлять Ковпака с высокой наградой.

— Друзья, да вы понимаете, что это значит? — восхищенно заблестели глаза комиссара. — Я почувствовал, что сегодня мы сделаем что-то большее, чем намечено боевым приказом. Вы через некоторое время сами убедитесь в том, какую большую роль сыграет в нынешней операции это сообщение, — и тотчас же приказал в нескольких экземплярах от руки размножить радиограмму и немедленно доставить в подразделения, ушедшие на задание.

Через час все партизанские колонны на марше догнала радостная весть с Большой земли.

— Если нашему командиру дали Героя, значит, теперь о нас вся страна знает! — радовались партизаны.

А когда в назначенное время над Вишневыми горами взвились три красные ракеты — сигнал к наступлению, притаившаяся тишина вдруг всколыхнулась от рокота пулеметов и автоматов, от разрывов гранат. То партизаны смело бросились на врага.

На другой день, 26 мая, остатки разгромленных

¹ Звание Героя Советского Союза Ковпаку было присвоено 18 мая 1942 года.

фашистских гарнизонов, охваченные паникой, без оглядки удирали в Путивль, а оттуда за Сейм, в направлении Ворожбы. Преследуя противника, в город сперва влетели конные разведчики, а потом вошли партизанские отряды.

— Поздравляю вас, Сидор Артемьевич, с большой победой! — встретил Ковпак у въезда в древний Путивль комиссар Руднев. — Это вам, — широким жестом указал на город, — наш боевой партизанский подарок в день вашего рождения.

— А я и забыл, что сегодня именинник, — лукаво улыбнулся Ковпак и протянул комиссару руку: — Дякую, Сэмэнэ! Всим вам спасибо, боевые друзья.

В Путивле партизанами было захвачено много продовольствия, которое оккупанты приготовили к отправке в Германию. По указанию штаба, расположенного в центре города, в здании бывшего райкома партии, сотни тонн муки, зерна, крупы, соли, десятки центнеров сливочного масла было роздано населению. Подводы с богатыми трофеями потянулись в Спадщанский лес.

Двое суток находились ковпаковцы в родном Путивле. На трети со стороны Ворожбы подошли танковые и мотострелковые подразделения противника. В то время когда отряды, маневрируя, устраивая засады и внезапные налеты, вели бои с наступающими фашистами, группы минеров успешно действовали на железных и шоссейных дорогах. Вот что записано об этих действиях в боевой сводке штаба соединения:

«В пятидневном бою... Объединенный отряд уничтожил более 300 солдат и офицеров, около 300 человек ранено. Уничтожено переправ: паромов — 2, мостов — 6. Пущен под откос железнодорожный эшелон с танками под станцией Путивль. Движение поездов в оба конца приостановлено на двое суток».

Во время весенне-летнего рейда ковпаковцы разгромили десятки вражеских гарнизонов, парализовали движение на железнодорожных магистралях Конотоп — Ворожба, Конотоп — Хутор-Михайловский, а также на многих шоссеиных и грунтовых дорогах. На территории северной Сумщины и многих районов Курской области была полностью парализована работа немецкого тыла. Во время весеннего наступления Красной Армии на Харьковском направлении Сумское соединение оттянуло на себя с фронта целую дивизию гитлеровцев.

Во второй половине июля, ведя жестокие бои с регулярными частями противника, которые имели на вооружении танки, артиллерию и самолеты, соединение начало отходить в направлении Брянского леса.

5

Остановившись в середине лета 1942 года снова под Старой Гутой, Сумское соединение вместе с отрядами и соединениями Курской, Орловской, Черниговской областей провело немало боев и операций, приняло меры к укреплению южной линии обороны Брянского партизанского края. Почти ежедневно отдельные партизанские подразделения совершали вылазки в расположение врага и вели бои на заставах.

На Сумщину часто отправлялись группы диверсантов-подрывников и разведчиков. Перед уходом на задание их консультировал комиссар Руднев. Так украинские партизаны поддерживали непрерывную связь со своими родными местами.

Отдых соединения в Брянском лесу Ковпак и Руднев использовали для проведения партийно-массовой

воспитательной работы среди партизан и для боевого учения личного состава, численность которого возросла за последние месяцы на несколько сот человек.

В соединении стало больше первичных партийных организаций, которые старались охватить своим влиянием все стороны партизанской жизни и борьбы. Идеологическое воспитание партизан, укрепление воинской дисциплины, совершенствование боевого мастерства, взаимоотношения с населением, повышение бдительности — вот те основные вопросы, которые постоянно были в центре внимания партийных организаций.

Руднев требовал от политработников, чтобы в подразделениях проводились политинформации, коллективные читки газет и сообщений Совинформбюро, прослушивание интересных радиопередач, собрания и беседы на разные политические темы. Он консультировал комиссаров отрядов, политруков, агитаторов, советовал им, как лучше и доходчивее провести ту или иную беседу, выступал перед ними и перед всеми партизанами с докладами и лекциями, делился воспоминаниями о героях Октябрьской революции и гражданской войны. Особенное внимание комиссар уделял воспитанию у людей советского патриотизма и верности идеям Коммунистической партии. Благодаря этой партийно-политической работе партизаны-ковпаковцы, находясь в глубоком тылу врага, не чувствовали себя оторванными от матери-Родины. Они жили одной жизнью со всем советским народом. В результате партийная организация соединения за первый год борьбы с врагом выросла с 35 коммунистов до 110 членов и кандидатов в члены партии, а еще через год, летом 1943 года, она насчитывала в своих рядах более четырехсот человек.

Отмечая в боевом приказе от 8 сентября 1942 года годовщину существования и борьбы Путивльского партизанского отряда, С. В. Руднев (С. А. Ковпак был в это время в Москве на совещании партизанских командиров.— А. П.) дал высокую оценку авангардной роли коммунистов и комсомольцев соединения:

«...Партийная и комсомольская организации — душа нашего отряда. Коммунисты и комсомольцы являются примером мужества, отваги и героизма в борьбе с наглым врагом.

Мы никогда не забудем, как не забудет и наша Родина, имена славных сынов нашей Коммунистической партии Ильина, Курса, Козаченка, Звездова, Удовенка и комсомольцев Савельева, Вихорева, Четкина, Низенкова, которые отдали свою жизнь за честь, свободу и независимость нашей Отчизны.

С каждым днем возрастает и закаляется в боях весь личный состав нашего отряда. Впереди еще много сложных задач и смертельных схваток с врагом. Командование верит, что большевики отряда, которые за год прошли горнило партизанской борьбы, закалились, приобрели опыт и умение громить врага, еще с большей энергией будут уничтожать его до полного изгнания с нашей земли».

По инициативе комиссара в соединении стали проводить разборы каждой боевой операции. На них разрешалось присутствовать и рядовым бойцам. Как правило, разбор операции начинал С. А. Ковпак. Он давал общую характеристику проведенной операции, останавливался на ее результатах, рассказывал о других возможных вариантах решения поставленной задачи, отмечал удачу отдельных подразделений, критиковал допущенные ошибки, указывая на их причины. Потом выступали командиры и политруки

подразделений, работники штаба. В конце, как бы подводя итоги разбору, говорил С. В. Руднев. Он обращал большое внимание на уроки, которые каждый должен был вынести из обсуждения, и определял вытекающие из этих уроков конкретные задачи по боевой и политической подготовке для всего личного состава.

Эти разборы были хорошей школой для командиров и политработников, а также для всех партизан. На них Ковпак и Руднев учили постигать воинское мастерство, проявлять в бою инициативу и смекалку, воевать не числом, а умением.

Будучи связным от Шалыгинского отряда при штабе соединения, я имел возможность несколько раз присутствовать на таких совещаниях. Больше всех мне запомнился разбор очень тяжелой операции, проведенной в селе Лукашенково, где ковпаковцы разгромили штаб вражеского батальона, но и сами понесли значительные потери.

...Партизаны разместились под огромной сосной, на стволе которой висела карта-схема, изготовленная штабистами. Руднев стоял у карты с указкой в руках и по всем военным правилам до мельчайших подробностей анализировал ход боя, отмечал успехи, с горечью в голосе говорил об ошибках, критиковал виновников. Критиковал, но не обижал людей, а учил их как мудрый наставник. Своей эрудицией и страстностью, остротой постановки вопроса, темпераментом, умением просто и доходчиво излагать военные истины Семен Васильевич производил огромное впечатление.

Когда комиссар перешел к разбору и критике действий командира одной из оперативных групп, который не сумел осуществить внезапность нападения, понес большие потери и сам погиб в бою, присутству-

ющие услышали реплику Базымы: «Мертвые сраму не имут». «Нет, Григорий Яковлевич, мы и мертвым не прощаем ошибок!» — резко парировал Руднев и с прежней принципиальностью продолжал разбор боя.

Зная, с каким уважением относился комиссар к погибшему командиру, как высоко ценил его боевые качества и потом глубоко скорбел о его гибели, я был удивлен этой фразой и после совещания сказал об этом своему политруку И. П. Хоменко.

— А что же в этом удивительного? — ответил политрук. — Ты же слышал, как следом за Рудневым Ковпак добавил: «Чтобы живым неповадно было!» Вот именно в этом, в постоянном беспокойстве за судьбу каждого из нас и всего соединения в целом, и кроется смысл фразы Руднева. Возможно, и жестковато, как тебе показалось, но зато справедливо. Такой уж он уродился, наш комиссар Руднев: всегда нежно-заботливый и беспощадно требовательный, прямой и откровенный, справедливый и непримиримый к недостаткам, светлый, как солнечное утро, и чистый, как горный ручей.

* * *

Приближалась знаменательная дата в жизни партизан — годовщина со дня организации Ковпаком и Рудневым Путивльского объединенного отряда.

— Вот хорошо было бы, товарищи, выпустить к нашему празднику печатную газету, — как-то высказал комиссар свою заветную мечту возле костра. — Да и время уже свою партизанскую песню иметь, в которой бы правдиво воспевались наши боевые дела. В этой газете ее и напечатали бы.

— Это идея, Семен Васильевич, — обрадовался

Филипп Сергеевич Рудь.— Я журналист и охотно возьмусь за это дело.

— Да и песню попробуй написать, ведь до войны сколько хороших стихотворений в газетах и журналах печатал,— отозвался секретарь партийного бюро Яков Панин, еще с тридцатых годов хорошо знавший Рудя.

— Ну вот, оказывается, у нас свой поэт есть! — радовались партизаны.— Пишите, товарищ политрук, слова, а мелодию мы подберем сами.

Здесь же, у костра, коллективно решили назвать газету «Красный партизан». А на другой день на заседании партбюро организовали редколлегия, редактором утвердили Филиппа Рудя.

Опытный газетчик горячо взялся за любимое дело. Однако выпуск печатной газеты в тылу врага оказался нелегким делом. В нашей походной типографии, печатавшей до этого небольшие листовки, не хватало шрифтов, краски, бумаги. Но редактор Рудь и начальник типографии Мудрик находили выход из любого затруднения. Им охотно помогали многие партизаны, проявив при этом находчивость и изобретательность. Художник и архитектор боец Семен Тутученко на дубовом бруске вырезал обыкновенным перочинным ножом название и заглавные буквы. Старики обозники из березовой коры изготовили типографскую краску. Разведчики за счет немецких штабов пополнили запасы бумаги. Всей работой по выпуску газеты руководил комиссар Руднев.

8 сентября 1942 года вышел первый номер «Красного партизана». День выпуска стал настоящим праздником для всего соединения. В передовой статье «Год героической борьбы» Руднев рассказал о пройденном боевом пути соединения и поставил перед партизанами новые задачи.

«...Кроме своей боевой деятельности,— писал комиссар,— отряд провел большую политическую работу в оккупированных районах Сумской, Курской, Орловской областей. Проведены сотни докладов и бесед среди населения временно оккупированных районов, выпущено десятки тысяч листовок, воззваний и обращений...

За год своей боевой деятельности отряд воспитал и вырастил десятки прекрасных боевых командиров и политработников, сотни отважных героев-партизан. Слава о нашем отряде идет из конца в конец нашего необъятного Советского Союза.

Но враг еще силен и коварен. Он творит свое гнусное кровавое дело, ежедневно уничтожает сотни ни в чем не повинных женщин, стариков и детей, он сжигает и уничтожает наши села и города, угоняет тысячами нашу молодежь в Германию на каторжные работы.

Обстановка нашей борьбы с фашизмом с каждым месяцем все больше усложняется. На хитрость врага надо отвечать удесятенной хитростью, на удар — во сто крат большим ударом...

Нам нужна железная партизанская дисциплина. Бдительность, бдительность и еще раз бдительность от бойца до командира. Каждый партизан должен быть храбрым бойцом, искусным диверсантом и отличным разведчиком. Надо еще больше и теснее связаться с советским населением в оккупированных районах и помогать ему. Надо помнить, что от правильных взаимоотношений с населением зависит успех нашей борьбы и победа над германским фашизмом.

Товарищи партизаны и партизанки! Склоним свои боевые знамена над героями-партизанами, павшими в борьбе с германским фашизмом. Пусть их образ, их

мужество, их героизм будут для нас знаменем в борьбе за освобождение нашей Родины»¹!

В этом же номере газеты была напечатана и «Партизанская песня» Филиппа Рудя. Партизаны подобрали к ней мелодию, и она стала со временем любимой песней всего соединения.

О мать-Украина — родная земля!
Мы вражеской кровью напоим поля,
За все твои раны врагу отомстим,
Живому отсюда уйти не дадим.
Веди ж, командир, свой отряд боевой,
Веди на победный решительный бой!

Мужественные призывные слова песни звенели на полях Сумщины и Приднепровья, в лесах Волыни и Прикарпатья — везде, где потом проходили партизанские отряды во главе с Ковпаком и Рудневым.

* * *

Шумный багряный октябрь, пришедший на смену тихому прозрачному сентябрю, расстилается туманами в долинах, золотит листья на деревьях, неумолимо сокращает дни и удлиняет ночи.

Как большущий улей, где ни единая пчела не сидит без дела, гудит по-трудовому партизанский лагерь у Старой Гуты. Соединение старательно готовится к новому походу на правый берег Днепра. Решение об этом рейде было принято на историческом совещании партизанских командиров, созванном в конце августа 1942 года в Кремле Центральным Комитетом партии. Украинских партизан на этом совещании вместе с А. Н. Сабуровым представлял С. А. Ковпак. Возвратившись из Москвы с орденом

¹ Этот номер газеты хранился в личном архиве автора. В 1973 году газета передана в архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины.

Ленина и Золотой Звездой на груди, Сидср Артемьевич ежедневно интересовался, как подразделения готовятся к походу, поучал бойцов:

— Прежде всего нужно, чтобы дисциплина у нас ни в чем не уступала воинской. Отныне чтобы к своим командирам обращались только по-военному: «Товарищ командир взвода», «Товарищ командир батальона»...

Соединение усовершенствовалось организационно. Оперативные группы преобразовывались в роты, отряды — в батальоны.

5 октября 1942 года секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко сообщил С. А. Ковпаку и С. В. Рудневу, что для более оперативного руководства партизанской борьбой на Украине решением Политбюро ЦК ВКП(б) образован нелегальный ЦК КП(б) Украины и что они оба утверждены членами Центрального Комитета. Это возлагало на них новые очень ответственные обязанности.

Вместе с соединением Ковпака в рейд на Правобережье готовилось выступить и второе крупное соединение сумских партизан под командованием А. Н. Сабурова. Таким образом, с территории Сумщины должны были уйти большие партизанские силы. Поэтому воссозданный к этому времени Сумской подпольный обком партии намечал и принимал конкретные меры для развития партизанской борьбы на территории области. И С. А. Ковпак и С. В. Руднев как члены нелегального ЦК КП(б) Украины оказали ему в этом большую помощь. Они тщательно подобрали кандидатуры коммунистов, которые должны были остаться для подпольной работы, выделили из своего соединения и оставили в распоряжение областного комитета партии Конопотский партизанский отряд.

20 октября три опытных коммуниста, партизаны Глуховского отряда И. Д. Клещенко, Г. И. Ковалев и А. Х. Румянцев после деловой дружеской беседы с комиссаром Рудневым были утверждены секретарями Глуховского подпольного райкома партии. Со временем под руководством подпольного райкома был организован 2-й Глуховский партизанский отряд, активно действовавший вплоть до освобождения района частями Красной Армии.

Нелегальный ЦК КП(б)У и Украинский штаб партизанского движения прилагали большие усилия для того, чтобы в достаточном количестве обеспечить уходящих в рейд партизан новейшим вооружением и боеприпасами. Каждую ночь на партизанском аэродроме под Смелижем приземлялось по несколько самолетов, и в лагерь тянулись длинные обозы с оружием, взрывчаткой, боеприпасами, снаряжением. Было доставлено также несколько раций с опытными радистами, которыми укомплектовали все отряды.

Однажды обозники привезли в лагерь две 76-миллиметровые пушки с толстыми, короткими стволами на резиновых колесах и длинные ящики, в которых оказались противотанковые ружья.

— Ну, держитесь, фашисты! — нежно поглаживая ладонью ствол орудия, выразил всеобщий восторг автоматчик Павлуша Новиков.

— Чтобы крепко бить фашистов, необходимо хорошо овладеть этим оружием, — приближаясь к ребятам, сказал комиссар Руднев. — Нужно, чтобы каждый партизан умел стрелять из пулемета, противотанкового ружья, из пушки.

— В нашей роте, товарищ комиссар, еще на прошлой неделе комсомольцы взялись за это дело, — ответил Новиков.

Действительно, партизанская молодежь, которой

за последний рейд стало почти вдвое больше, соразновалась между собой за овладение несколькими военными специальностями.

— Дорогие юные друзья! — выступил перед комсомольцами накануне похода с отцовским напутствием комиссар Руднев. — Командование соединения и мы, ваши старшие товарищи, возлагаем на вас большие надежды.

Призвав комсомольцев быть примером для всех молодых партизан, Семен Васильевич сказал:

— Молодая сила и энергия, выдержка и мужество юных патриотов сметут все преграды на пути к нашей цели, к победе над врагом! Так доброго же вам пути и боевых удач, молодые орлята!

На другое утро, 26 октября 1942 года, Сумское соединение под командованием Ковпака и Руднева вышло в большой, еще небывалый в истории партизанского движения поход, который стал прологом к знаменитому Карпатскому рейду.

Товарищ, друг, талантливый военачальник

1

В канун 25-й годовщины Октября партизанские соединения Ковпака и Сабурова вышли к левому берегу Днепра. На совещании командование соединений решило с ходу форсировать могучую реку. Но у партизан не было для этого никаких средств. Помогли местные жители. На лодках, предоставленных днепровскими рыбаками, две партизанские роты вместе с разведчиками под прикрытием ночной темноты преодолели уже покрывавшуюся тонкой ледяной коркой широкую реку, выбили из города Лоева

фашистов и захватили стоявшие у пристани паромы. Утром 7 ноября все партизанские батальоны начали переправляться на правый берег.

По Лоеву еще свистели пули, на окраинах шел жаркий бой с гитлеровцами, подошедшими со стороны Гомеля, чтобы сорвать переправу, а комсомолец Радий Руднев и Борис Король, выполняя приказ комиссара Руднева, взобрались на одну из самых высоких башен и в честь всенародного праздника водрузили над городом красное знамя. А когда бой затих, знаменами расцвела вся центральная площадь Лоева. Их принесли местные жители и партизаны, собравшиеся вместе отпраздновать 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Митинг открыл комиссар Руднев...

Вот уже много лет прошло с того памятного дня, а перед моими глазами и сейчас стоит стройная фигура пламенного комиссара, я слышу его немного картавую (после ранения в Веселовском бою) проникновенную речь. Какие глаза у людей! Как они зачарованно смотрят на нашего комиссара, а он горячо и убедительно рассказывает о разгроме фашистов под Москвой, о мужественной борьбе партизан, говорит о непобедимости идей великого Ленина и завоеваний Октября. Его речь озаряет души, зажигает сердца.

В населенных пунктах, через которые мы проходили, Руднев старался поговорить с людьми: раскрыть глаза заблуждавшимся, подбодрить павших духом, исцелить отравленных геббельсовской пропагандой. Если обстоятельства не позволяли провести митинг или собрание, на которые всегда сходились множество народа, комиссар шел к людям и в тесном кругу просто, по-дружески беседовал с ними.

Три дня развевался красный флаг над Лоевом. 10 ноября соединение снова двинулось в поход. Семь-

десять дней и ночей сквозь дожди и метели шли с боями на запад партизаны, гордо неся непобедимое знамя Советской власти через города и села, подымая новые массы людей на священную борьбу против гитлеровских захватчиков. И всегда бойцы и командиры чувствовали заботу комиссара Руднева.

«Ни холод, ни дождь для наших бойцов не страшны,— писал Семен Васильевич в дневнике.— Часто смотришь на своих людей и думаешь: только наш народ способен выдержать такие испытания... Настроение бойцов бодрое, боевое... Милые боевые друзья! С таким народом хорошо жить, бороться против врага и не страшно умереть».

А как переживал комиссар гибель партизан! «Тяжело мне писать тебе, родная,— сообщает он в письме к жене.— Склони свою седую голову перед светлой памятью лучших наших товарищей, которых уже нет среди нас... Смертью храбрых погибли Иван Иванович Замула, политрук его роты Рудь, Нина Ляпина, Юхновец и еще 32 товарища... Очень и очень тяжело».

Понимая, что на войне без жертв не обойтись, Руднев часто часами в штабе и на марше обдумывал всевозможные ходы и варианты намечаемой операции, чтобы выиграть ее наименьшей кровью. Комиссар учил партизан постоянно заботиться о раненых и больных товарищах и сам показывал пример в этом. Не проходило ни одного дня, чтобы Семен Васильевич не навещил раненых.

2

После небольшой передышки в районе Червонного озера на юго-западе Белоруссии (здесь ковпаковцы расчистили площадку для аэродрома, отпра-

вили в советский тыл раненых, пополнились взрывчаткой и боеприпасами) соединение в начале февраля 1943 года снова выступило в поход. На этот раз перед партизанами стояла задача: нанести удары по коммуникациям врага, протянувшимся с запада к Киеву, разведать укрепления гитлеровцев на правом берегу Днепра, оживить подпольную и партизанскую борьбу в районах, прилегающих к Киеву.

...Дует ветрами, бушует метелями вторая военная зима. Но отзвуки победной битвы на Волге согревают наши сердца, наполняют их новой силой.

В ту большую победу, всколыхнувшую весь мир, вместе с Красной Армией, со всем народом внесли свой вклад и мы, партизаны Ковпака — Руднева. Сколько взорвано мостов, разгромлено железнодорожных станций и складов, уничтожено вражеской техники и вооружения, солдат и офицеров, пущено под откос поездов! А сколько спасено людей от угона на фашистскую каторгу!

Позади — более тысячи километров боевого пути по тылам врага, переправы через Десну, Днепр, Припять, Горынь, Случ, разгром крупного гарнизона в Лельчицах, мастерски проведенная в районе станции Сарны операция «Сарненский крест» и многие другие крупные бои. Там, где мы прошли, народ берется за оружие, создаются новые партизанские отряды. Пламя народной войны перебросилось с левобережья на правый берег Днепра, где на территории Украинского Полесья возник и ширится партизанский край.

И вот мы идем широкими просторами Ровенщины. И как всегда, рядом с нами Семен Васильевич Руднев с открытым лицом и горящим сердцем, боевой товарищ и друг. От его светящихся огнем любви к людям зорких глаз ничего не скроешь — ни хорошего, ни плохого. Справедлив и честен, он всегда

похвалит тебя за хорошее, заботливый и нежный, как отец, ко времени подоспеет на помощь в беде и согреет тебя ласковыми, теплыми словами. Когда же дело касается наших недостатков, партизанской чести, комиссар тверд и решителен, суров и непримирим. Все мы связаны с ним какой-то невидимой сердечной нитью.

...На рассвете партизаны вышли из редкого кустарника в чистое поле. Колонна вытянулась километров на пять. Наша рота, держа оружие наготове, идет первой в головной походной заставе. Когда была пройдена уже почти половина открытого пути, повалил густой снег, а потом поднялась такая метель, что за три шага впереди ничего не стало видно. Вскоре метелица сменилась настоящим бураном.

— Вперед, ребята, не останавливаться, — уже не приказывает, а просит наш политрук Игнат Павлович Хоменко. — Сами же понимаете, какова обстановка... Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы на полпути остановилась колонна.

А порывистый колючий ветер бросает в лицо хлопья снега, старается свалить с ног. Мы беремся за руки, пытаемся двигаться против ветра. Но постепенно силы тают, тяжелым свинцом наливаются ноги.

И когда уже кажется, что двигаться дальше нет никакой мочи, рядом с нами появляется высокая заснеженная фигура.

— Ну как, товарищи, тяжело идти? — слышим мы сквозь завывание ветра голос комиссара.

— А когда партизанам было легко? — глухо отзывается мой друг Иван Приходько.

— Да-а-а, — смеется Руднев. — В такую погоду ходят только черти да партизаны...

И я чувствую, как от шутки комиссара живитель-

ное тепло разливается по телу, прибывают утраченные силы. И пусть завывает буря, злится непогода, я буду идти и идти рядом с тобой, комиссар, наперекор всем бурям, и ничто меня и моих товарищей не остановит на полдороге.

* * *

...Тихая весенняя ночь. Я стою за старой сосной на посту у штаба. Дверь штабной хаты открывается, выходят комиссар Руднев и заместитель командира по разведке Вершигора. Они с удовольствием вдыхают свежий воздух и продолжают начатый, видимо, еще в штабе разговор.

— Семен Васильевич,— растягивая слова, говорит вполголоса Вершигора.— Вот уже скоро полгода, как я нахожусь в соединении, но до сих пор не перестаю удивляться. Необычные у нас люди. Они и на задания ходят, и умирают в бою как романтики.

— Наши бойцы, Петрович, знают, что они борются за освобождение не только своей Родины, но и за свободу всех поработанных фашистами народов. А бой за свободу всегда упоителен и романтичен!

— Да, наверное, еще и потому, что такими людьми руководят, воспитывают их комиссары-романтики,— прищурив глаза, хитро улыбается Вершигора.

— Ну это вы уже погибаете, товарищ подполковник,— возражает серьезным тоном комиссар.— Повнимательнее и глубже присматривайтесь к нашим людям. Это чудесный народ! Посмотришь на них — и сердце радуется. Это чудо-богатыри, золотой фонд нашей Родины! Воспитать за два десятилетия таких людей — это, Петрович, большое завоевание.

— Это понятно,— совсем тихо говорит Вершигора.— Я пока что в одном не могу разобраться.

— В чем?

— По моему убеждению, в мире нет ни одного человека, который бы ничего не боялся.

— Интересно, интересно, товарищ подполковник,— прервал собеседника Руднев.— Кажется, вы не только режиссер, ревностный служитель муз, но к тому же еще и философ. Что ж, это великолепно! Продолжайте, я вас слушаю.

— Для меня,— продолжает Петр Петрович,— и поныне остается загадкой: чего же все-таки боятся наши партизаны?

— А вы долго ломали голову над этим вопросом? — спрашивает комиссар.

— Долго.

— Понимаете, Петрович,— рука Руднева по-дружески легла на плечо Вершигора,— я не люблю громких фраз, но иногда бывает, что без них не обойтись. Скажу вам откровенно: наши люди — герои, которые не боятся ничего, кроме забвения. А поэтому больше записывайте в свои походные блокноты и после нашей победы, если останетесь живы, сделайте все возможное, чтобы они, наши богатыри, не остались забытыми...

Руднев и Вершигора снова ушли в штаб, а их голоса и высказанные ими тогда мысли запомнились мне навсегда.

3

За умелое руководство партизанскими отрядами и их вождение по глубоким тылам врага, блестящее проведение крупных боевых операций постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 9 апреля 1943 года Семену Васильевичу Рудневу и Сидору Ар-

темьевичу Ковпаку было присвоено воинское звание генерал-майора. Это сообщение с большим подъемом и гордостью за своих славных командиров встретили все партизаны соединения.

Комиссар Руднев считал, что присвоение ему генеральского звания возлагает на него еще большую ответственность. «Я чрезвычайно благодарен моей партии, правительству, моему народу за высокую оценку моей работы,— писал Семен Васильевич своей жене в письме от 14 апреля 1943 года.— Ты знаешь, что я не честолюбив и бескорыстен. Двадцать пять лет я честно отдавал все свои силы, всю свою страсть делу нашей Родины. Я был, есть и останусь верным сыном своей Родины. Это присвоение воинского звания... обязывает меня к еще большему перед Отчизной. Ты, родная, знаешь меня хорошо и можешь не сомневаться, что я буду драться до последнего, а если надо, умру честно в борьбе за свой народ, за свою партию. Ты знаешь, я пошел в партизанский отряд не за славой, не за чинами... Только безграничная преданность своей партии, своей Родине меня, как патриота, позвали идти на смертный бой с фашизмом».

Форсировав Припять и расположившись вблизи сел Аревичи и Кожушки, партизаны оборудовали посадочную площадку, на которой каждую ночь начали приземляться самолеты с Большой земли. Они доставляли боеприпасы, взрывчатку, военное снаряжение, газеты и письма, эвакуировали в советский тыл раненых партизан.

Комиссар Руднев много сил и времени уделял установлению тесных связей с подпольными группами и местными партизанскими отрядами, а также со словацкими военными частями, дислоцировавшимися во многих местах южной Белоруссии и север-

ной Украины. Словацкие войники не хотели сражаться на стороне немецких фашистов, оккупировавших их родину, и охотно сближались с советскими партизанами.

...Однажды у комиссара Руднева и секретаря ЦК КП(б) Украины Д. С. Коротченко, приехавшего к нам в соединение в ночь с 19 на 20 апреля 1943 года, состоялась беседа со словаками Андреем Пальшей и Андреем Саксой, которые перешли на сторону партизан. Комиссар рассказал им, что в Советском Союзе по договоренности с правительством Чехословакии сформирована и вместе с Красной Армией воюет против гитлеровцев чехословацкая воинская часть. Руднев показал перебежчикам газету с фотографией командира этой части полковника Свободы, на которой он был запечатлен во время переговоров с Советским правительством.

— Мы добиваемся того, — говорил комиссар, — чтобы ваши солдаты и офицеры переходили на сторону партизан не только в одиночку, но и организовано — целыми ротами, батальонами и полками. Если же вы изъявите желание сражаться вместе с воинами Свободы, то можно немедленно переправить вас на самолетах в Москву.

Потом комиссар развернул карту, на которой карандашом было очерчено местечко Хойники, где располагался штаб словацкого полка. Пальша показал места расположения воинских словацких частей вокруг Хойников и гарнизонов полиции. Его друг Сакса сообщил, что он хорошо знает командира 102-го словацкого полка подполковника Йозефа Гусара, который сочувственно относится к партизанам, и что поэтому полезно было бы установить с ним связь. Д. С. Коротченко и С. В. Руднев поддержали это предложение. Через некоторое время на перегово-

воры с подполковником Гусаром была отправлена разведчица Александра Демидчик, которая передала ему письмо от генералов Ковпака и Руднева с предложением всем полком перейти к партизанам. К сожалению, вскоре связь с Йозефом Гусаром прервалась, потому что соединение вынуждено было уйти из этих мест. Как стало известно позже, подполковник Гусар со всем своим полком перешел на сторону Красной Армии.

Комиссар Руднев был не только опытным организатором, способным при любых обстоятельствах повести за собой массы, но и незаурядным военачальником, наиболее ярко проявившим себя в боях на Припяти в мае 1943 года и в Карпатском рейде.

4

В первых числах мая от своих разведчиков и словацких перебежчиков Ковпак и Руднев узнали, что гитлеровский штаб разработал операцию под кодированным названием «Мокрый мешок». Цель операции — зажать партизан в междуречье Днестра и Припяти, закрыть им выход в лесные массивы Белоруссии и уничтожить. К намеченному району действий фашисты стали стягивать две пехотные дивизии и танковый батальон.

Трезво оценив обстановку, партизанские вожаки пришли к выводу, что самым правильным будет: вывести отряды из-под удара превосходящих сил противника, оторваться от него, или, как любил говорить Руднев, выйти на оперативный простор. Для этого было решено прорываться на северо-запад через железную дорогу Гомель — Калинковичи в восьми километрах западнее станции Нахов. Но этот путь

оказался для партизан уже наглухо закрытым. Фашисты хорошо укрепились вдоль железнодорожного полотна, а по рельсам пустили бронепоезда. Прорыв через железную дорогу не удался. Положение становилось критическим. Тогда Ковпак и Руднев приняли рискованное решение: немедленно повернуть отряды назад к Припяти и прорываться из окружения на запад через реку. Чтобы обеспечить успех этого замысла, надо было за ночь, самое большее за сутки, выбрать подходящее место и построить мост через реку. Эту задачу Ковпак взял на себя, оставив для этого Путивльский отряд. Остальным отрядам было приказано занять оборону и не допускать немцев к строящейся переправе. Командовать предстоящим сражением поручили С. В. Рудневу.

Пока соединение, сдерживая своими арьергардами противника, продвигалось к Припяти, Руднев, хорошо изучив местность, к вечеру привел командиров батальонов на песчаные холмы в полукилометре от реки.

— Завтра, товарищи, здесь будет решаться судьба всего соединения,— показал он на равнину, простирающуюся до самого леса.— Пока не стемнело, внимательно присматривайтесь к местности, запомните каждую извилину, каждый кустик.— Поставив задачи каждому подразделению, Руднев определил участки их обороны, приказал вырыть окопы полного профиля.

Утром 17 мая около двух дивизий гитлеровцев при поддержке артиллерии, танков и бронемашин двинулись в наступление. Удар наносился по двум направлениям: по обороне второго и третьего батальонов со стороны Тульговичей и по четвертому батальону и местным отрядам, прикрывавшим позиции со стороны Хойников.

Партизаны подпустили танки и пехоту противника на близкое расстояние, пулеметно-ружейным и артиллерийским огнем отбили атаку. На поле дымилась три танка, несколько бронемашин, валялись трупы фашистов. Но бой после этого не утих. Особенно тяжело пришлось партизанам второго и третьего батальонов, на участках которых атаки следовали одна за другой.

С удачно выбранного командного пункта весь шестикилометровый фронт обороны был в поле зрения генерала Руднева. Наблюдая за противником, он быстро принимал решения и своевременно оказывал поддержку наиболее угрожаемым участкам обороны. Его приказания и страстные призывы, обращенные к бойцам и командирам, укрепляли их боевой дух.

...Тяжело, очень тяжело было бойцам третьей роты, оборонявшим шоссе на главном направлении. Но в критический момент, когда они отбивали уже третью атаку гитлеровцев, с командного пункта на позицию с запиской приполз связанной — маленький и шустрый Коля Тищенко.

«Командование соединения выносит благодарность командному и рядовому составу вашей роты за стойкость и мужество,— писал в записке Руднев.— Вы деретесь как настоящие сыны нашей Советской Родины. Уничтожайте танки и живую силу врага! Беспощадно бейте фашистских гадов! Честь вам и слава, герои! Родина никогда не забудет ваших подвигов!»

Проникновенные слова записки, которую сразу же вслух прочитал политрук Хоменко, как освежающий ветерок, понеслись от бойца к бойцу по всей линии обороны, и партизаны еще упорнее отражали вражеское наступление.

Выбрав подходящий момент, Руднев направился

на линию огня, в окопы бойцов лейтенанта Коровченко. Крепко пожимая руки партизанам, комиссар подбадривал их, спросил о погибших, о раненых и о том, какие меры приняты к оказанию им помощи и эвакуации с переднего края. В числе раненых Коровченко назвал и пулеметчика Черкашина, который был ранен в руку, но покинуть свой окоп отказался и продолжал вести огонь из пулемета.

Комиссар тотчас направился по ходу сообщения, отыскивал окоп отважного пулеметчика.

— Ну, ты, Черкашин, сегодня герой! — обнял он партизана.

Потом, пользуясь временным затишьем, Руднев пошел вдоль окопов всего батальона.

— Нужно, ребята, любой ценой продержаться до ночи, — говорил он партизанам. — А завтра будем уже на том берегу. Тогда и отдохнем, наберемся сил — и опять в поход. Пока гитлеровские поработители топчут нашу землю, не будет им пощады ни днем, ни ночью.

Но вот оружейный и минометный обстрел партизанских позиций усилился. «Перегруппировав силы, враг готовится к новой атаке», — догадался Руднев и быстро возвратился на командный пункт, вблизи которого рвались снаряды.

На командном пункте находился также секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко.

— Семен Васильевич, по дороге с Тульговичей опять появились танки, а за ними идет пехота, — опустив бинокль, повернулся к Рудневу секретарь ЦК.

— Ничего, Демьян Сергеевич, там обороняется третья рота Шалыгинского отряда, а это такие орлы, на которых можно надеяться. — И комиссар устремил взгляд в подернутую синей дымкой даль...

— Молодцы шалыгинцы! Вы только посмотрите,

что они делают! — сказал через несколько минут Руднев Коротченко. — Пехоту отсекали пулеметным огнем и положили, а танки подпускают совсем близко к позициям. Вот, смотрите, смотрите! Первая машина слева уже дымит, остановилась и вторая... Да это же, Демьян Сергеевич, не люди, а настоящие чудо-богатыри!

Пять вражеских атак выдержали партизаны во главе с комиссаром Рудневым. Сотни гитлеровцев нашли свой бесславный конец на подступах к Припяти. И когда к вечеру бой утих на всех участках обороны, а противник откатился на исходные позиции, товарищ Коротченко от имени ЦК КП(б)У заявил:

— Поздравляю вас, товарищ комиссар, с победой! С задачей вы справились блестяще!

Вечером Руднев послал отряды на помощь путивлянам, строящим переправу. Чтобы ввести противника в заблуждение и создать видимость активной подготовки к обороне на завтра, комиссар оставил на позиции двадцать конников, приказал им непрерывно двигаться вдоль оставленных партизанами окопов и стрелять из ракетниц. Маневр удался. Гитлеровцы до самого утра не посмели приблизиться к партизанской обороне.

А когда стало рассветать, наплавной «чертов мост», как его прозвали партизаны, наконец соединил противоположные берега, и по нему переправилась сначала конная разведка, а потом устремились ударные группы, чтобы занять на правом берегу оборону и обеспечить переправу всего соединения.

Ценой невероятных усилий всех бойцов и командиров, ценой крови многих своих лучших товарищей партизанское соединение вырвалось из «мокрого мешка». Огромная заслуга в этом принадлежит комиссару Рудневу.

Во временном лагере недалеко от Припяти — возбужденный гомон победителей. Только что окончилась бой в селе Вяжище, где ковпаковцы разгромили противника, пытавшегося закрыть партизанам путь на запад. В лесу, за которым садится солнце, слышны одинокие выстрелы.

— Ну и денек сегодня выдался! — улыбаются, возвращаясь в лагерь, партизаны. Они ведут пленных, несут трофеи, захваченное у врага оружие.

По широкой поляне, на которой бойцы комендантского взвода во главе с Петром Скрыльником выстраивают пленных, быстро шагает разгоряченный боем комиссар Руднев. Хмурые люди в чужих мундирах украдкой бросают взгляды на стройного, безукоризненной выправки, быстрого в движениях партизанского генерала и сразу же отводят глаза в сторону, чтобы не встретиться с его пронизывающим взглядом.

— Поручик Лихоманов! — вдруг остановился комиссар против высокого, лет сорока пяти мужчины с большим косым шрамом на лбу. — Вот так встреча, да еще почти через четверть века!

Пленный в новом немецком мундире с оторванными погонами, без фуражки, вздрогнул, боязливо ссутулился и повернулся на голос Руднева.

— Это тот, товарищ комиссар, который целился в вас из автомата, — подошел к Рудневу Черкашин с забинтованной левой рукой. — Хорошо, что я его вовремя по башке прикладом огрел.

— А ему не впервые в меня стрелять, не правда ли, поручик Лихоманов? — опять обратился Руднев к пленному.

— Я не только вас не узнаю, но вообще не припоминаю, чтобы мы с вами где-то встречались, —

сверкнули холодной ненавистью глаза Лихоманова.

— Ну, ну,— погрозил пальцем Руднев,— раньше у вас была память намного лучше,— и, заметив, с каким интересом прислушиваются к его словам пленные и партизаны, повысил голос: — А ночь в Зимнем дворце на двадцать шестое октября тысяча девятьсот семнадцатого года, когда я вот этими руками срывал с ваших плеч юнкерские погоны, тоже не припоминаете?..

— Я всегда стоял за русский народ! — зло проговорил Лихоманов.

— Врете! — с негодованием оборвал его Руднев. — Вы изменили своему народу в первые же дни революции. Опять же припомните ночь в Зимнем, уже захваченном революционными отрядами. Помните, как под дулом моей винтовки вынимали из карманов своего мундира награбленные во дворце ценности, уже принадлежавшие в то время народу, и со слезами на глазах заверяли, что больше никогда не возьмете в руки оружия. Клялись, давали честное слово не воевать против нас, а примкнули к Краснову, потом к Каледину, к деникинским головорезам. Теперь напялили вот эти гитлеровские тряпки, продались фашистам! Где ваша совесть?!

— Я спасал Россию,— поморщившись, отвернул злое обрюзгшее лицо Лихоманов.

— Наглый лжец! От кого вы ее спасали? Вы уже тогда помогали врагам России, а теперь помогаете гитлеровцам опустошать землю, на которой родились и выросли. Посмотрите вот на этих ребят,— показал комиссар на партизан.— Фашисты при помощи таких подручных псов, как вы, сожгли их хаты, уничтожили семьи, но они не пали на колени перед захватчиками. А вы? Скажете, ошиблись? Нет, такие, как вы, не ошибаются! Вы все уже потеряли еще в

семнадцатом году. Ваша вина не временная ошибка, а измена, преступление перед народом, и мы будем судить вас именем народа...

— Товарищ комиссар! — прервал связной Ковпака Миша Семенистый. — Вас просит к себе командир соединения.

...Через полтора часа длинная колонна людей и повозок двинулась лесной дорогой через Вяжище на юго-запад в направлении Олевска. Посреди колонны за артиллерийской батареей шла группа военнопленных, сопровождаемая несколькими партизанскими автоматчиками.

Вдруг один из пленных выскочил из колонны и, пригибаясь, бросился в густой придорожный сосняк. Вслед ему, прорезав густые сумерки, прострелотала автоматная очередь. Он упал. Это был Лихоманов.

— Собаке — собачья смерть! — молвил Василий Черкашин.

Партизанская колонна форсированным маршем продолжала двигаться дальше.

5

Хорошо над чудесной речушкой Убортью возле белорусского села Милашевичи, где остановилось соединение, чтобы дать отдых бойцам и подготовиться к новому далекому рейду.

Днем свободные от боевых операций партизаны чинили обувь, одежду, ковали лошадей, ремонтировали повозки и упряжь, а тихими весенними вечерами собирались на зеленых полянах, и над рекой звенели песни.

Часто в подразделениях пели любимую песню комиссара Руднева «В чистом поле, в поле под раки-

той», которую он принес еще с фронтов гражданской войны.

В чистом поле, в поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман,
Э-э-эх, там лежит в сырой земле зарытый,
Там схоронен красный партизан.
...На траву, да на траву степную
Он упал, простреленный в бою,—

незаметно приблизившись к певцам, подтягивал комиссар мягким приятным тенором.

За Советы, за страну родную
Отдал жизнь геройскую свою...

Вместе с комиссаром пели русский Иван Бывалин, украинец Володя Янченко, белоруска Лена Казека, татарин Агалян Валиев, грузин Давид Бакрадзе, таджик Бободжан Камолов, поляк Владислав Процкий, словак Андрей Пальша, венгр Ференс Лукач, румын Мариам Томас, и в их воображении вставляли сказочные богатыри — бессмертные рыцари революции и гражданской войны, они звали вперед, на новые подвиги.

Эта песня полюбилась бойцам всего соединения. Ее часто пели в походах и на привалах.

* * *

Особенно радостными для партизан были дни, когда обозники, возвращаясь с аэродрома, вместе с оружием и боеприпасами привозили почту с Большой земли: свежие газеты и журналы, письма...

Почти все получаемые письма читались коллективно. Каждое прочитанное письмо вызывало много разговоров, навевало воспоминания, раздумья. Все партизаны от души радовались за товарища, получившего весточку от родных и близких людей. Но

были бойцы и с хмурыми лицами, измученные душевной болью. Их семьи были зверски уничтожены фашистскими оккупантами. И личное горе, боль непоправимой утраты становились особенно чувствительны именно в те минуты, когда их товарищи получали известия из дому.

Тогда к опечаленному бойцу подходил комиссар и, подавая белый треугольник, подбадривающе говорил:

— Не печалься, Ванюша, и о тебе не забывают на Большой земле.

Взволнованный и польщенный таким сердечным вниманием, партизан раскрыл письмо с адресом «Самому отважному и молодому бойцу», а голос Руднева уже слышался в расположении другого подразделения:

— А это тебе, Приходько, девушки с Большой земли весточку прислали.

И какой радостью озарялись еще минуту назад печальные лица бойцов, когда они читали полученные письма!

— Читай, Иван, вслух! Громко читай! — окружали счастливчика товарищи, и он, часто сбиваясь от волнения, читал:

«Самому отважному и молодому бойцу.

Добрый день, дорогой незнакомый товарищ! Пишет Вам тоже незнакомая и самая обыкновенная девушка. Но я надеюсь, что, завязав переписку, мы останемся друзьями навсегда.

До войны я жила в Сумах, училась в девятом классе. Отец мой погиб на фронте еще в первые дни гитлеровского нападения. Когда к нашему городу приблизился фронт, мы с мамой и двумя младшими сестричками эвакуировались на восток. В дороге на эшелон, в котором ехали сотни незащищенных женщин

и детей, наскочили немецкие самолеты. И я осталась одна: во время бомбежки погибли моя мама и сестры. Тяжким было мое горе. Но разве только мое? Война — большущее горе для всех советских людей. Я осталась одна без крова и средств к существованию. Но оказалось, что не одна. Меня приютили добрые русские люди, за что им мое большое сердечное спасибо.

Сейчас я живу и работаю в Челябинске. Полгода тому назад за станком заменила токаря Васю Иванова, добровольно ушедшего на фронт. А изготовляет наш завод такие вещи, без которых вам никак не обойтись на фронте. Работаем много — день и ночь. Но нас радуют и придают нам сил успехи, которых вы, наши славные воины, достигли в борьбе против фашизма.

Не подумайте обо мне плохо, что решила Вам написать. Воинам на фронт пишут почти все наши девушки — мои подруги по работе. Мне тоже захотелось поделиться своими мыслями и переживаниями с самым дорогим для меня человеком. А таковым я считаю каждого бойца, защищающего нашу советскую землю.

Не сердитесь за то, что адресовала свое письмо самому молодому и отважному. Мне хотелось, чтобы оно попало в руки моего сверстника, ну а отважными я считаю всех без исключения фронтовиков. Возможно, мое скромное письмишко напомнит Вам о самом дорогом и согреет Ваше мужественное сердце.

Сильнее бейте гитлеровских захватчиков, а мы здесь, в тылу, будем помогать упорным трудом быстрее приблизить желанный день окончательной победы над фашистами.

От всего сердца желаю Вам доброго здоровья, счастья и больших успехов в Вашей боевой жизни. Если

Ваш дом сожгли фашисты и Вы потеряли на войне родителей, приезжайте после победы прямо в Челябинск, встречу Вас как родного брата, как самого близкого и дорогого друга.

Найдется свободная минутка, черкните хотя бы несколько слов. Буду очень рада Вашему письму.

С приветствием и уважением! Галя Петренко».

— Ты ей напиши, Ваня, видать по всему, стоящая девушка! — советовали партизаны. И нередко завязывалась дружеская переписка.

6

28 мая 1943 года в Партизанском крае на севере Житомирщины в лесной избушке вблизи села Картеичи собралось много народу. В полдень здесь началось расширенное совещание нелегального ЦК КП(б) Украины, созванное Демьяном Сергеевичем Коротченко. На этом совещании кроме членов нелегального ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко, С. А. Ковпака, С. В. Руднева, А. Ф. Федорова, В. А. Бегмы, А. Н. Сабурова присутствовали командиры и комиссары многих партизанских соединений и отрядов Украины, работники ЦК КП(б)У, ЦК ЛКСМУ и Украинского штаба партизанского движения.

Участники совещания подвели итоги боевой и политической деятельности партизан в тылу оккупантов, обсудили составленный Украинским штабом партизанского движения план боевых действий на ближайший период 1943 года и наметили практические мероприятия для его выполнения. Командованию партизанских соединений и крупных отрядов предложили подготовиться к новым рейдам, провести глубокую разведку предстоящих маршрутов.

Получив на совещании, длившемся два дня, конкретные задачи, партизанские командиры и политработники разошлись возбужденные и окрыленные.

Прощавшись, Руднев направился к группе всадников, где его ожидал с верховой лошастью ординарец Евгений Дудка.

— Здравствуйте, товарищ генерал! — вышел навстречу ему партизан с Золотой Звездой на груди. — Вот вам передача с Большой земли от жены и сына...

— За передачу сердечно благодарю, — взял Руднев небольшой сверток. — Но кто вы?

— Не узнали, Семен Васильевич? А ночь под Путивлем накануне Октябрьских праздников, когда взрывали мосты на Сейме, помните?

— Товарищ Яремчук?! — обрадовался Руднев и как родного сына обнял отважного минера. — Да разве ж можно узнать? Повзрослел, возмужал, седина на висках, Звезда героя на груди...

— А вы, хотя и генералом стали, почти не изменились.

— Молодчина, Василий, молодчина! — залюбовался героем Семен Васильевич. — Я еще на Сейме понял, что из тебя выйдет настоящий партизан...

— У такого учителя, как вы, Семен Васильевич, можно многому научиться, — сказал Яремчук. — Взять хотя бы ваш доклад на сегодняшнем совещании. Для меня, молодого командира, это настоящая школа...

— Ну как там Домникия Даниловна, сын? — прервал его Руднев, не любивший похвал. — Вот уже скоро будет год, как их из Брянского леса на Большую землю отправили... Юра, наверно, подрос?

— Конечно, подрос и очень похож на вас.

Потом Яремчук рассказал, как осенью 1942 года

невдалеке от Путивля был тяжело ранен. Помогли местные жители. Нашли его, полуживого после боя, спрятали, подлечили, а потом партизаны из Хинельского леса отправили его самолетом в Москву. После лечения в госпитале Яремчука послали в партизанский санаторий. Там и познакомился он с Домникой Даниловной, которая в санатории библиотекой и всей художественной частью заведует...

— Как она там? — встрепенулся Руднев. — Очень постарела?

— Почти нет, — замылся Яремчук. — Только вот голова у нее совсем белой стала... За Радика очень переживает, день и ночь о нем беспокоится.

— Эх, заскочить хотя бы на часок в Москву, семью проведать, — задумчиво вздохнул Руднев.

— Так за чем остановка, Семен Васильевич, самолеты же у вас каждую ночь приземляются?

— Нельзя, Вася, нет времени. К большому и ответственному рейду готовимся... Ну, а как ты?

— Пока с группой товарищей прилетел в расположение соединения Сабурова командиром отдельного диверсионного отряда имени Кармалюка. А через несколько дней пополнюсь людьми и двину на запад для самостоятельной работы.

— Вот это правильно! — одобрительно отозвался Руднев. — Ты уже хорошо подготовлен, чтобы командовать отрядом. Главное — береги людей и себя, не ошибайся.

— Минер ошибается раз в жизни, товарищ комиссар, — улыбнулся Яремчук.

— Нет, нет! Минеру ошибаться вообще не положено. Особенно тебе, — пожимая на прощанье руку, говорил Руднев. — Твоя же мирная профессия, кажетя, учитель истории?

— Да.

— Так вот запомни, что такие учителя истории, как ты, нам будут очень нужны после войны. И я надеюсь, что, возвратившись из рейда, мы еще встретимся с тобой и вместе отпразднуем нашу победу.

— Обязательно, Семен Васильевич,— ответил Яремчук.— Желаю вам счастливого пути!

Через несколько минут всадника открыли на лесной дороге ветви могучих дубов и кленов.

— Замечательный человек этот Руднев! — высказал Яремчук свой восторг подошедшему к нему комиссару Ровенского соединения Л. Е. Кизе.— Комиссар на всю партизанскую Украину.

— Тебе, Василий Максимович, нельзя отказать в наблюдательности,— улыбнулся Кизя.— Семена Васильевича я знаю с прошлой весны и многому у него научился. Умению работать с людьми, воспитывать их и водить в бой у Руднева учатся все партизанские политработники на Украине.

7

После совещания по-новому перестроили свою работу партийная и комсомольская организации. По совету Д. С. Коротченко в соединении была создана партийная комиссия, имеющая право утверждать решения первичных организаций о приеме новых членов в партию. В ее состав вошли представители от всех отрядов, именовавшихся теперь батальонами: Г. Я. Базыма, А. Я. Бондаренко, П. А. Дорошенко, Я. Г. Панин, И. П. Хоменко.

У секретаря партийной комиссии Якова Григорьевича Панина в горячие дни подготовки к новому большому рейду было не меньше работы, чем у начальника штаба Григория Яковлевича Базымы. Нужно было привести в порядок личные дела ком-

мунистов; их изрядно накопилось в предыдущем походе. К тому же многим партизанам хотелось идти в новый ответственный рейд коммунистами.

На первом же заседании парткомиссии были утверждены решения парторганизации о приеме кандидатами в члены партии командира кавалерийского эскадрона Александра Ленкина, заместителя командира соединения по разведке Петра Вершигоры, начальника штаба четвертого батальона Петра Брайко, командира взвода Семена Лемаева, разведчика Николая Мурашко, автоматчика Ивана Приходько и многих других товарищей, отличившихся в боях.

Через несколько дней на одном из заседаний парткомиссии было утверждено решение о приеме в партию комсомольца Радия Руднева. Начав воевать с первого дня организации отряда, юноша зарекомендовал себя смелым и находчивым бойцом. Он вместе со всеми партизанами делил тяжести боевой жизни, ходил в бой и на диверсии, по несколько дней бывал в разведке, налаживал связи с молодыми подпольщиками, за что заслужил доверие и уважение всего личного состава соединения. Боевые награды на его груди — орден Красной Звезды и медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени — были неопровержимыми свидетелями воинской доблести и мужества этого общительного смелого юноши. Рекомендовали Радия в партию Сидор Ковпак, Яков Панин и комитет комсомольской организации соединения.

Когда все члены партийной комиссии единодушно высказались за то, чтобы Радия Руднева принять кандидатом в члены Коммунистической партии, комиссар подошел к сыну:

— Поздравляю тебя, Радик, с высоким званием коммуниста! — сказал он взволнованно. — Всегда бе-

реги его в чистоте, как берегут те, кто дал тебе рекомендации в партию! — и отец с сыном крепко обнялись.

А через несколько недель после этого события, 7 июля 1943 года, уже во время рейда С. В. Руднев сделал в дневнике на первый взгляд будто бы обыкновенную, а в действительности многозначительную по своей глубине и содержанию запись:

«День для меня сегодня знаменателен: Радику — моему сыну исполнилось девятнадцать лет. Он два года вместе со мной воюет в тылу врага. В семнадцать лет ушел воевать. Это то самое, что было со мной в 1917 году. Сын удался в отца».

Почти до шестисот человек выросла комсомольская организация. Вместо Бориса Короля, которого направили политруком в шестую роту, помощником комиссара соединения по комсомольской работе назначили опытного и энергичного комсомольского работника Михаила Андросова.

...На просторной лужайке среди столетнего соснового бора собрались юноши и девушки из всех отрядов. К ним на комсомольско-молодежное собрание пришли ветераны соединения, старые коммунисты, комиссар Руднев. Вместе со многими ребятами, изъявившими желание идти в новый рейд комсомольцами, в комсомол приняли пятнадцатилетнего разведчика Мишу Семенистого. От волнения у него на глазах появились слезы, но его звонкий и чистый голос звучал твердо, торжественно:

— Спасибо, товарищи! Ваше доверие оправдаю.

— Молодец, Михаил Кузьмич! — откликнулся Руднев.

Комиссар вспомнил, как в такой же яркий майский день прошлого, 1942 года впервые встретился он с пионером Мишей Семенистым.

Выйдя из Брянских лесов, соединение ускоренным маршем двигалось на юг Сумщины. На третьи сутки похода партизаны, форсировав железную дорогу Конотоп — Хутор-Михайловский, после тяжелого ночного перехода остановились на отдых в лесу недалеко от села Землянка Глуховского района. В полдень вместе с партизанскими разведчиками, ездившими в Землянку, верхом на коне прискакал белокурый мальчик. Лихо, как заправский кавалерист, соскочив с вороного, он расправил на груди пионерский галстук, который берег почти год в черные дни фашистской оккупации, подошел к Рудневу:

— Товарищ комиссар! Пионер Михаил Кузьмич Семенистый прибыл в ваше распоряжение. Хочу быть конным разведчиком!

— Разведчиком? — переспросил Руднев. — А откуда ты узнал, что я комиссар?

— От ваших ребят, — не моргнув глазом, выпалил Семенистый. — Да и по внешности видно, что вы комиссар. «Просись в отряд у комиссара, — сказали мне ваши хлопцы, — иначе никто тебя, такого малыша, не примет».

— Вот как, — улыбнулся Руднев. — Значит, ты понравился нашим ребятам.

Пионер Семенистый был принят в отряд и зачислен в конную разведку. Маленький, с мягкими, как пряди льна, светлыми волосами, он на первый взгляд казался почти ребенком. Однако своим поведением, серьезным отношением к выполнению приказов командиров и поручений товарищей, сообразительностью быстро завоевал доверие и уважение партизан, за что его, как взрослого, стали называть только по имени и отчеству. «О, Михаил Кузьмич найдет выход из любого положения!», «Михаилу Кузьмичу

можно смело поручать ответственное дело!» — говорили в соединении, восхищаясь смышленостью, мужеством и храбростью пионера.

Особенно любили Семенистого Сидор Артемьевич Ковпак и Семен Васильевич Руднев. Но больше всех паренек всей душой тянулся к комиссару, часто беседовавшему с юным разведчиком. Семену Васильевичу было радостно наблюдать, как на его глазах выросел и мужал этот замечательный паренек, для которого дружная партизанская семья стала вторым родным домом, школой мужества, духовного развития, закалки воли и характера.

«И вот теперь пионер Семенистый — комсомолец, обещающий с честью оправдать это звание, — довольно улыбнулся своим мыслям Руднев. — И оправдает. Такие слова на ветер не бросают».

8

В полдень 12 июня 1943 года партизанское соединение Ковпака — Руднева (1800 человек, десять орудий, сорок минометов, пятьдесят противотанковых ружей, сто пятьдесят пулеметов и триста подвод, груженых боеприпасами и продовольствием) двинулось в Карпатский рейд. Партизан провожали секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко, секретарь ЦК ЛКСМУ Н. А. Кузнецов, начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач и другие ответственные работники.

Вслед за колонной верхом на лошадях уже поскакали, попрощавшись с провожающими, Ковпак и Базыма, а Руднев все еще стоял около товарища Коротченко, с которым так подружился на протяжении его двухмесячного пребывания в тылу врага. Сколько

дум передумано и вместе решено сложных вопросов, касающихся жизни и боевой деятельности соединения, сколько пережито опасностей!

Наконец подошли последние минуты прощания, и друзья сжали друг друга в крепких объятиях.

— Берегите себя, людей, соединение... У вас чудесные люди,— говорил Демьян Сергеевич.— И не забывайте о нас, чаще радируйте. Боевых вам удач и победы. До скорой встречи!

— До скорой встречи, Демьян Сергеевич! — Руднев еще раз пожал руку Коротченко и вскочил на коня...

Через полчаса комиссар, собранный и бодрый, ехал на своем гнедом скакуне впереди колонны.

...Чтобы оккупанты не смогли разгадать основного направления и цели партизанского рейда, соединение с северо-запада обогнуло Ровно, прошло по территории Ровенской и Волынской областей и, круто повернув на юг, вышло на просторы Тернопольщины.

Там, где проходила партизанская колонна, летние ночи озарялись пламенем взрывов, наполнялись скрежетом летящих под откос эшелонов. Партизанские диверсионные группы ежедневно расходились далеко вправо и влево от линии движения основных сил, и это еще больше вводило в заблуждение фашистских оккупантов, нагоняло на них страх.

Трудящиеся Западной Украины с большой радостью встречали советских партизан как предвестников скорого освобождения от фашистского ига. Это бесило бульбовцев, мельниковцев, бандеровцев и других лживых «борцов за долю Украины». Националистические банды неоднократно нападали на партизанских разведчиков и минеров. Тогда командование увеличило посылаемые на диверсии группы до

таких размеров, чтобы они могли давать отпор бандитам, а среди местного населения партизаны повели широкую разъяснительную работу по разоблачению националистов как врагов украинского народа, продавшихся гитлеровским оккупантам.

«Политическая обстановка в этих районах настолько сложна, что нужно быть начеку,— записал в своем дневнике С. В. Руднев.— В дороге были столкновения с украинскими националистами... Взятых вчера в плен 8 человек националистов, простых неграмотных крестьян, после проведенной разъяснительной работы отпустили... Сволочь, буржуазная интеллигенция! Забивает головы крестьянам, а сама идет на поводу у немцев. Называют себя партизанами, а скрывают настоящее буржуазное лицо своего движения... Сегодня написал листовку на украинском языке, в которой вскрыл сущность украинского национализма».

День и ночь на стоянках и в походе работал «свинцовый взвод» — так партизаны образно называли свою походную типографию. Комиссар Руднев и секретарь партийной комиссии Панин внимательно следили за тем, чтобы партизанские агитаторы всегда были в достаточном количестве обеспечены листовками и воззваниями.

Слушая беседы партизан и читая их листовки, крестьяне, обманутые продажными националистическими главарями, пришедшими в обозе гитлеровцев, начали бросать их курени и искать пути борьбы против оккупантов.

В дневниковой записи от 24 июня 1943 года С. В. Руднев дал такую оценку действенности агитационно-пропагандистской работы своих партизан: «Это — народные апостолы, потому что они несут правду народам временно оккупированных областей

нашей страны. Они прекрасные агитаторы и пропагандисты Советской власти. ...Без напыщенных фраз, простыми словами боец говорит с мужчинами или женщинами о простых вещах, а в этих словах столько любви, преданности и гордости за свою Родину.

Какой это замечательный народ! Это — чудо-богатыри! Это — золотой фонд нашей Родины! Можно написать целые книги об этих замечательных людях. В нашем соединении есть все национальности Советского Союза. Это интернациональный отряд».

Опасаясь как огня правдивого партизанского слова, националистические главари прибегли к хитростям. Однажды они прислали в штаб соединения своих представителей с просьбой, чтобы партизаны прекратили против них агитацию и распространение листовок. За это они обещали не препятствовать партизанским разведчикам и диверсионным группам.

— Передайте тем, кто вас сюда послал, что с убийцами и предателями своего народа мы ни в какие сделки не вступаем. Наоборот, еще больше будем разоблачать мерзкие дела буржуазных националистов — усердных пособников гитлеровцев, — резко ответил Ковпак.

— Правильно, Сидор Артемьевич! — поддержал его Руднев и, достав из планшета письмо, прочел его парламентарам.

В этом письме, недавно захваченном партизанами у националистов, обер-бандит Мельник предлагал германскому командованию организовать из своих головорезов, снарядить и вооружить войско, которое бы вместе с немецкими войсками сражалось против партизан и Красной Армии.

Непрощенные гости ушли не солоно хлебавши.

...На рассвете двадцать пятого июня соединение, сделав тридцатикилометровый переход, остановилось перед рекой Горынь.

Командование решило строить мост через реку между селами Корчин и Звиздовка. Но озлобленные националисты захватили на противоположном берегу село, вырыли окопы и заявили, что строить переправу ни в коем случае не позволят.

— Пальнуть несколько раз из орудия, и куда их прыть денется,— рассердился Ковпак.— Сразу разбегутся, как серые мыши по норам.

— Нет, Сидор Артемьевич, здесь нужна гибкость,— возразил комиссар.— Переправиться нужно без боя. Во-первых, с обеих сторон будут неизбежные жертвы, ибо у противника очень выгодная позиция, во-вторых, жертвы среди местного населения — среди женщин и детей, а это на руку фашистам. Отзвуки этого боя будут слышны на сотни километров вокруг. Поэтому нужно искать другие, мирные пути,— изложил свои мысли комиссар и предложил пойти на переговоры.

На переговоры с националистами отправился в сопровождении разведчиков Федора Сидоренко и Ани Бондарчук Н. Г. Шумейко, смелый и находчивый командир разведки второго батальона. Ему удалось достичь желаемых результатов. Почувствовав, что им несдобровать, если они вступят в бой с соединением Ковпака, националисты сняли оборону, и партизаны, быстро построив переправу, двинулись через Горынь. Навстречу им вышли почти все жители Звиздовки, не поверившие клеветническим измышлениям националистов о партизанах.

— Ну и молодец же наш комиссар! — увидев на улицах крестьян, восторженно произнес политрук Хоменко.— Воевать — это, оказывается, не только

уметь стрелять, надо быть еще и хорошим политиком!

На первом же привале после переправы через Горынь Руднев записал в своем дневнике: «Наша дипломатия окончилась победой без крови. Все население осталось в селе и вышло на улицу. Это была колоссальная политическая победа... Население, видя наше вооружение и количество людей, было в восторге. Слышались возгласы: «Вот это партизаны!»

Наши бойцы раздавали листовки. Этот успех дался тяжело, особенно для меня.. Но мы победили. Мы переправились без жертв. Пусть фашисты бьются. Свой политические цели мы знаем. Наша бескровная дипломатическая победа является блистательным маневром».

Борьба за вершины

1

После нескольких жестоких схваток с партизанскими батальонами оккупанты поняли, что в их глубоким тылу действуют не разрозненные отряды парашютистов, а сильное своей организованностью и мобильностью крупное партизанское соединение, упорно рвущееся на юго-запад. Для прикрытия переправ на Днестре и Дрогобычского нефтяного района они сняли с идущих на фронт эшелонов два эсэсовских полка и бросили их на партизан. Однако эсэсовцы не смогли задержать продвижения ковпаковцев.

19 июля 1943 года партизаны Ковпака — Руднева, разведчики и ударная сила партизанского движения всей непокоренной Украины, в селе Маняве открыли

ворота в Карпаты, чтобы вслед за ними туда пришли другие соединения, а потом и части Красной Армии — освободительницы.

...Высота 936 за Манявой — первая гора, на которой после длительного похода остановились в Карпатах партизаны. Взоры их устремились на огромное плоскогорье, густо усеянное нефтяными вышками.

Вечером туда были посланы боевые группы, и черная карпатская ночь огласилась выстрелами и взрывами. Падали от партизанских пуль и гранат фашисты, валились ажурные нефтьевышки, высоко выбрасывая фонтаны горячей нефти. Со взрывами на Битковских промыслах перекликались взрывы с противоположной стороны плоскогорья. То третий батальон во главе с Матюценко и комиссаром Фесенко уничтожал нефтяные вышки под Яблунькой, озокеритные шахты и резервуары с горючим под Кричкой. А когда над горами забрезжил рассвет и диверсионная группа во главе с Михаилом Павловским и Яковом Паниным собиралась отходить из Биткова, из-за скалы к партизанам вышел человек в пропахшей нефтью рабочей одежде.

— Паны-товарищи, зруште тутка! — показал незнакомец на еле заметный бугорок, заросший высокой травой.

— Для нас, товарищ, взрывчатка — дороже золота, — приблизился к рабочему минер Абрамов, — и мы не собираемся подрывать все скалы в Карпатах.

— Э-э-э-э, если пан-товарищ ничего не понимает, то пусть послушает, что здесь под землей делается, — стоял на своем гуцул.

Догадливый Павловский приник ухом к земле, будто хотел выслушать ее больное сердце, и воскликнул радостно:

— Ребятки, гудит! Нефть гудит под землей! А ну закладывайте быстрее взрывчатку!

Через несколько минут от взрыва разверзлась земля, вздрогнули скалы, и на том месте, где показывал незнакомец, огненными брызгами заклокотала нефть...

— Дальше, дальше, товарищи, продвигайтесь, там за горой нефтепровод через речку тянется! — выкрикнул гуцул и так же незаметно исчез, как и появился.

Сколько таких помощников, которые не называли своих фамилий и поэтому так и остались неизвестными, потом приходило к партизанам в Карпатах!

И в то время, когда под Курском и Белгородом доблестные советские воины громили отборные фашистские полчища, в глубоком тылу врага запылала карпатская нефть. Эхо раскатистых взрывов в Карпатах перекликалось с отзвуком жестоких боев на Курской дуге.

— Ну, теперь не удержаться вам, фашисты! — говорили партизаны. — Дед Ковпак закурил свою сигарку в Карпатах!

Подводя итоги первых дней борьбы в Прикарпатье, С. В. Руднев записал в дневнике: «С 10 по 20 июля 1943 года... уничтожено 783 солдата и офицера, сбито 2 самолета, уничтожено два 77-мм орудия, 500 снарядов, 139 автомашин, два склада с боеприпасами. Уничтожено 32 нефтьевышки с суточным дебитом 48 т. Сожгли 565 т нефти, 12 т бензина. Уничтожили два нефтепровода, 2 нефтеперегонных завода и много другого оборудования, 25 км телефонно-телеграфного провода связи на 42 направлениях, 4 железнодорожных моста длиной 115 пог. м., 13 шоссежных мостов длиной 1365 м. Взяты большие трофеи, в том числе 28 000 патронов».

Выполнив свою основную задачу — разгром Битковских нефтяных промыслов, соединение перевалило через горный кряж и вышло в долину реки Зеленица, чтобы дать отдых людям и лошадям, которые в течение месяца преодолели нелегкий путь длиной в тысячу километров.

2

...Партизанский лагерь над говорливой горной речушкой жил напряженной боевой жизнью. Штаб подводил итоги первых боев и диверсий в горах. В подразделениях проходили партийные и комсомольские собрания. Руднев, как всегда энергичный, бодрый, успевал побывать везде, приходил в подразделения, навещал раненых. В беседах с партизанами и в выступлениях на собраниях и совещаниях комиссар напоминал, что воевать в горах с каждым днем будет тяжелее и что партизаны должны быть готовы к любым испытаниям и неожиданностям.

— Горы заставляют нас перестраивать тактику борьбы и вождения отрядов,— говорил Семен Васильевич и советовал хозяйственникам побыстрее ковать лошадей, приспособливать обоз к горным условиям.

В батальонах кипела работа. И здесь на помощь пришли жители гор. Они помогали партизанам переделывать тяжелые и неповоротливые четырехколесные повозки на более удобные для продвижения в горах двуколки, ковали лошадей, вкладывая между подковами и копытами суконные прокладки, ремонтировали обувь, одежду и сбрую.

Солнечным июльским утром Руднев горной тропинкой поднимался в расположение 8-й роты. Вдруг невдалеке послышалась песенка.

«Не иначе как чабан поет,— улыбнулся в пышные усы Семен Васильевич и ускорил шаги.— Ну и певучий же народ — эти гуцулы!» И каким было его удивление, когда невдалеке от тропинки на большом камне увидел не пастуха, а партизана.

— Уже и наши партизаны научились чудесным карпатским песням? — приблизился к парню Руднев.

— Я, товарищ комиссар, есть русин. Карпаты — моя родина. Я вот за тем перевалом родился и вырос, — показал в синь, где за грядою гор возвышался хребет. — По тем вершинам проходит кордон — граница неприступная, — тяжело вздохнул парень. — Целые десятилетия этот проклятый кордон надвое наш народ разделяет.

— Постой, постой, — догадался Руднев. — Так ты из тех, что к нам из Старой Гуты пришли?

— Так, товарищ комиссар, Иван Козун моя фамилия.

— Не журись, Козун, разгромим фашистов, и твои земляки — закарпатцы вольются в единую семью братских народов Советского Союза, — присел Руднев на камень возле партизана. — Но чтобы ускорить нашу победу, нужно в Карпатах, и здесь, и там, за перевалом, разжигать пламя народной борьбы...

Долго беседовал тогда комиссар с партизаном-русином, заглядывал ему в самую душу, угадывал его сокровенные мысли, притрагивался к тончайшим струнам его горячего сердца.

— Ну так как, товарищ Козун? — молвил Руднев, вставая с камня.

— Да, товарищ комиссар, согласен, — взволнованно ответил русин. — Этому все наши ребята будут рады. Вы нас хорошо научили бить фашистов. Пусть не ожидают теперь пощады и там, за Карпатами!

Семен Васильевич в тот же день побеседовал с другими бывшими солдатами венгерской армии, почти год тому назад добровольно перешедшими к партизанам.

...А было это в последних числах июля 1942 года. Тогда партизаны под командованием Руднева разгромили в Старой Гуте на Сумщине 47-й венгерский батальон, захватили большие трофеи, штабные документы. Большинство венгерских солдат не хотели проливать свою кровь за чуждые им интересы фашистской клики Хорти, втянувшей их родину в эту проклятую войну, и искали случая уйти к русским.

В бою за Старую Гуту на сторону партизан перешло около сорока военнослужащих венгерской армии, среди которых большинство составляли закарпатские украинцы, гордо называвшие себя русинами. Все они заявили, что вместе с советскими партизанами хотят воевать против общего врага — немецких фашистов.

Бывшие венгерские солдаты быстро подружились с партизанами, оказались хорошими людьми и мужественными воинами. В большом походе от Старой Гуты на Карпаты они совершили немало боевых подвигов. Многие из них героически погибли в боях. В живых осталось восемь человек.

И вот здесь, в Карпатах, у самой венгерской границы, во время беседы с Иваном Козуном у комиссара родилась мысль: организовать из бывших венгерских военнослужащих отдельный партизанский отряд и направить его в их родные края. Все восемь человек с радостью встретили это предложение. Командиром согласился быть Иван Козун.

— Хорошая мысль! — одобрил Ковпак предложение комиссара. — Правильно, пусть идут на родину,

несут нашу большую правду в Закарпатскую Украину, в Румынию, Венгрию, Словакию... Нужно только подумать, как бы получше снарядить их в нелегкий путь.

Командование выделило бойцам оружие, боеприпасы, снабдило их продуктами питания, выдало им справки о пребывании в партизанском отряде.

В специальном приказе, закрепившем организацию нового отряда, Ковпак и Руднев высоко оценили боевую деятельность венгерских товарищей, отметив, что «все они добросовестно выполняли боевые задания командиров и еще больше убедились в справедливости нашего большого дела в борьбе с гитлеризмом и в неминувшей гибели врага, от всей души радовались успехам нашей героической Красной Армии».

24 июля все свободные от боевых действий и службы партизаны собрались, чтобы проводить в дорогу своих боевых товарищей. На торжественных проводах с напутственной речью выступил комиссар Руднев:

— Дорогие друзья! Для нас сейчас дорог каждый боец, каждый партизан. А вы были у нас неплохими партизанами. Но мы решили удовлетворить вашу просьбу и отпустить вас из отряда. Идите к себе на родину, поднимайте народ против фашистов, организовывайте партизанские отряды. Бейте везде гитлеровских оккупантов! Вы прошли у нас хорошую практику. Поэтому мы уверены, что ваше возвращение в родные края принесет большую пользу нашему общему делу — разгрому немецко-фашистских поработителей. Доброго ж вам пути, товарищи! Боевого вам счастья, друзья!

Со взволнованным ответным словом выступил Иван Козун.

После краткого митинга партизаны начали прощаться с боевыми друзьями. Крепкие рукопожатия. Прощальные слова.

— А помнишь, Юрий, бой в Старой Гуте? — говорил путивлянин Старожилов, обнимая высокого чернобрового русина.

— Разве это можно забыть — ведь ты меня тогда от верной смерти спас. Спасибо, брат! — взволнованно ответил Юрий Горба и, сняв с руки часы, протянул другу: — Возьми на память!

— А ты, Юрий, возьми мои, — обрадовался Старожилов. — Носи, брат, на счастье!

— Ну, товарищи, время в путь, — напомнил Руднев. — Еще раз до свидания! — и каждого крепко обнял на прощанье.

— Большое вам спасибо, товарищ комиссар! До свидания, дорогие друзья! — взволнованно говорили мадьяры Кальман Мракович и Ференс Лукач, румын Мариман Томас, русины Юрко Горба, Иван Дрогун, Андрей Хомада, Василь Догей...

Выстроившись один за другим, они в сопровождении партизанских разведчиков двинулись к венгерской границе.

Вслед за ними готовилась уходить на родину и вторая группа — отряд словацких войников во главе с Андреем Пальшей.

3

Из партизанского лагеря над быстрой Зеленицей днем и ночью расходились по всем направлениям на боевые задания десятки разведывательных, диверсионных и ударных групп, и окружающие горы озарялись заревом пылающей нефти, непрерывно

оглашались далекими взрывами, клекотом пулеметов и автоматов.

Гитлеровское командование всполошилось, боясь, что и в Карпатах может возникнуть партизанский край. В горы была направлена карательная экспедиция во главе с обергруппенфюрером СС Крюгером. По приказанию Гитлера для борьбы с партизанами в Карпатах создавалась специальная группа войск в составе восьми эсэсовских полков и горно-стрелковой мадьярской дивизии с артиллерией и авиацией.

Об этом партизанское командование узнало немного позже от пленных фашистских офицеров, а также из документов, которые захватили бойцы третьей роты, разгромив во время ночной вылазки под Полянницей штаб одной эсэсовской части.

В горах между партизанами и эсэсовцами завязались тяжелые бои.

При обстоятельствах, сложившихся не в пользу партизан, Ковпак и Руднев решили оторваться от противника и выйти на юго-восток за реку Прут, где еще не было фашистов и где можно было свободнее маневрировать в горах. За несколько десятков километров впереди маршрута соединения проходила граница с Венгрией, воевавшей на стороне фашистской Германии. Было решено послать туда несколько разведывательных групп. Комиссар Руднев инструктировал разведчиков.

Во время выполнения поставленной командованием задачи соединение столкнулось с невероятными, еще небывалыми трудностями. Когда с наступлением темноты отряды двинулись в путь, хлынул продолжавшийся до утра ливень. Размытыми горными дорогами обоз продвигался очень медленно. Застревали в промоинах и разбивались в щепки двуколки, на крутых спусках скользили лошади, разбивали

копыта о камни и, пронзая ночной мрак жалобным ржанием, вместе с тяжелогруженными повозками катились в ущелье. А когда наутро утих дождь и выглянуло солнце, над колонной появилось звено самолетов и начало поливать обоз свинцовым дождем. Продвижение дальше становилось невозможным. Отряды вынуждены были остановиться в урочище Бабина Яма под Поломами на расстоянии одного километра от границы.

Появление советских партизан у самого преддверия Венгрии вызвало переполох и панику среди мадьярских пограничных частей. В Будапешт одна за другой полетели тревожные радиogramмы: «Появление больших сил партизан в Северных Карпатах — сугубо военная стратегия. Партизаны имеют намерение прорваться через границу и выйти в Закарпатье».

По распоряжению высшего венгерского командования были немедленно переброшены войска для укрепления границы в горах, приведены в боевую готовность 3-я и 4-я мадьярские горно-стрелковые дивизии и 8-й гонведский корпус, дислоцировавшийся в районе Мукачева, в пограничной полосе увеличено количество полиции и жандармерии, приготовлены запасные железнодорожные составы для переброски войск.

Совсем неутешительные вести принесли разведчики. Группа бойцов, ходившая в разведку на границу, установила, что там по всему хребту заняли оборону части горно-стрелковой дивизии, которой еще не было вчера. А разведчики, проникшие далеко вперед по намеченному маршруту колонны, под Яремчей встретились с фашистской разведкой и, проведя неравный бой, возвратились обратно.

Медлить было нельзя. И соединение выступило

по маршруту в направлении Поляницы. Но в то время когда колонна приблизилась к селу, оно было уже захвачено подразделениями 32-го эсэсовского полка. Фашисты окопались на всех окружающих вершинах. Брошенные в наступление ударные группы были отрезаны гитлеровцами от основной колонны. Прорваться ущельем через Поляницу не удалось. Кольцо окружения сомкнулось.

Невыносимо тяжелые обстоятельства заставили партизан оставить большую часть обоза, подорвать все тяжелое вооружение. Боеприпасы и раненых переложили на вьюки. Облегченная колонна, от которой не отставали вражеские самолеты, двинулась обратно, на север, но, столкнувшись там с большими силами противника, повернула на восток. Начались кровопролитные бои, изнуряющие переходы по горам.

4

Вторую неделю героически сражается партизанское соединение, зажатое в горах. Однако ни беспрепятственные атаки эсэсовцев, ни изнуряющие налеты авиации, ни тяжелые переходы по бездорожью, ни недостаток продуктов питания — ничто не сломило боевого духа, воли к борьбе, стойкости и мужества партизан.

Бойцы и командиры равнялись на своего комиссара, который в этих необыкновенно тяжелых условиях проявил удивительную выдержку коммуниста, силу воли, талант организатора, энергию и рассудительность военачальника.

Но численный перевес был на стороне противника. Когда партизаны прорывали одно кольцо, вокруг

них сразу же смыкалось второе. Кровавопролитные бои шли и днем и ночью. Партизаны теряли в этих боях своих лучших товарищей, но уверенно рвались к победе.

Навсегда остались на высоте 936 за Манявой медсестра Мария Евенко и минер Лира Никольская, проявившие мужество в первый день борьбы в горах. Смертью героев пали у венгерской границы под Поляницей политрук Покровский и пятнадцатилетний разведчик Миша Семенистый. До последнего патрона дрался молодой коммунист Митя Черемушкин, прикрыв своим огнем отход партизан в ущелье Зеленицы.

* * *

...Сияет июльский солнечный день, один из тех неповторимых дней, которые бывают только в Карпатах. В прозрачной синеватой мгле, будто мачты гигантских кораблей, величественно возвышаются вершины гор, привольно дремлют цветущие полонины, освежающе дышат прохладой кремнистые, заросшие ельником ущелья, по дну которых струится чистая, как слеза, живительная вода.

Солнечная теплынь и дремлющая голубая тишина усыпляют изнуренных тяжелым переходом бойцов, которые остановились передохнуть на южном крутом склоне большой горы.

— И когда мы уже вырвемся на равнину? — сказал кто-то.

— Скоро, ребятки, скоро, — подойдя к партизанам и услышав их разговор, отозвался Руднев. — Генерал Крюгер, который зажал нас в тиски и хочет во что бы то ни стало поставить на колени, очень умный противник. А разумный враг всегда коварнее и опаснее обыкновенного. Но дудки! Разве нам впер-

вой вырваться из окружения? Это уже какое по счету кольцо вчера прорвали?

— Очко, товарищ комиссар! — воскликнул неугомонный весельчак и балагур, автоматчик Синиченко. — Двадцать первое!

— Ну вот, — еще убедительнее зазвучал голос Руднева. — Прорвем и двадцать второе! Нет у фашистов таких сил, которые уничтожили бы нас в Карпатах. Наша с вами задача: бороться так, чтобы эти верховины, политые кровью наших боевых товарищей, стали навсегда вершинами доблести и славы.

— Выстоим, товарищ комиссар, преодолеем все преграды, — отозвались в ответ бойцы.

— Спасибо, товарищи! — горячо поблагодарил Руднев. — Я всегда вам верил и еще больше верю теперь.

Приблизившись к потоку, Руднев напился холодной, приятно обжигающей горло воды и, подымаясь, вдруг увидел необыкновенное. На большом камне, будто сказочная русалка, сидела женщина и сушила на солнце только что вымытые в потоке пышные волосы. Рядом, положив голову ей на колени, лежал мужчина. Женщина нежно расчесывала ему русую голову и, о чем-то рассказывая, счастливо улыбалась.

«Да ведь это же наши партизанские молодежны», — присмотревшись пристальнее, узнал комиссар медсестру Олю Воскобойник и командира взвода пятой роты Александра Тютерева.

Руднев хотел незаметно скрыться за ближайшей скалой. Но в этот момент его заметили.

— Товарищ комиссар! — вскакивая на ноги, воскликнул Тютерев. — Подождите минутку... Вот хорошо, что встретились!

— Простите, Семен Васильевич,— молвила застенчиво, тяжело подымаясь, Оля.— Мы уже давно хотим встретиться с вами наедине, или же, как говорят здесь, в Карпатах, «на штыри ока», но все как-то не получалось...

— Какие же у вас секреты? — заинтересовался Руднев.

— Да, понимаете, оно уже и никакого секрета нет,— опустила глаза на свой большой живот смущенная Оля.— Просто у нас с Сашей к вам одна личная просьба.

— Я рад ее выполнить,— охотно пообещал Руднев.

— Помните, на Червонном озере в Белоруссии вы благословили нас на жизнь?

— Помню,— улыбнулся комиссар.

— Ну вот, теперь мы ожидаем ребенка,— радостно засверкали большие глаза на исхудавшем лице молодой женщины.— Если родится сынок, разрешите его назвать вашим именем.

— Я вас понимаю, дорогие мои,— не мог сдерживать волнения Руднев.— Но и вы правильно поймите меня. Семен — хорошее славянское имя, только я не такая уже выдающаяся личность, чтобы в мою честь называть новорожденных. Но если вам уж так хочется сделать мне приятное, послушайте моего совета,— положил комиссар руки на плечи Оли и Александра.— Тяжело нам сейчас в Карпатах. И еще не один наш боевой товарищ сложит здесь свою буйную голову, чтобы жили наши дети, внуки и правнуки. Однако из этого неравного поединка с фашистами не они, а мы выйдем победителями. А победу в древние времена называли викторией. Я верю, что у вас обязательно родится сын и вырастет хорошим советским гражданином, достойным своего отца и

матери. Так назовите его Виктором в честь Карпатского рейда, в честь победы нашего соединения.

...Через несколько недель после этого разговора Оля родила сына, которого назвали Виктором.

До последней капли крови

1

Маневрируя в горах и запутывая свои следы, партизанское соединение в первых числах августа пробилось на высоты, у подножия которых в долине реки Прут раскинулся город Делятин. Но это был еще не выход из окружения. Вокруг — в Яремче, Делятине, Пасечной, Надвирной, Зеленой — стояли гарнизоны врага, захватившие все выходы с гор и подстерегавшие партизан. По данным разведки, в Делятине располагался штаб генерала Крюгера.

— Железное кольцо окружения нужно рвать только в Делятине, — ознакомившись с обстановкой, пришел к выводу комиссар и предложил нанести удар по этому важному стратегическому пункту. — В Делятине враг меньше всего ожидает нашего удара. Кроме того, прорываясь через город, мы разгромим штаб Крюгера, его войска потеряют управление, и это на некоторое время дезорганизует всю фашистскую группировку.

Штаб разработал план штурма Делятина, где рекрецивалось несколько железных и шоссейных дорог, идущих дальше в горы. Руднев, Ковпак, начальник штаба Базыма тщательно готовили эту операцию, от результатов которой зависело, быть или не быть соединению.

Незадолго перед штурмом состоялось совещание

командно-политического состава, а потом на закате солнца комиссар выступил с речью перед бойцами. Стоя на отшлифованной ветрами и ливнями каменной глыбе, он, как всегда, не делал эффектных жестов, а по-дружески, просто и убедительно, разговаривал со своими боевыми побратимами, с которыми на славном пути от Путивля до Карпат пришлось преодолеть столько невероятных трудностей, выиграть много боев, пережить горечь утрат и радость побед.

Семен Васильевич всегда доверял своим бойцам и командирам и никогда в самые тяжелые минуты не скрывал от них правды, какой бы горькой она ни была. Ничуть не уменьшая опасности, нависшей над соединением, комиссар охарактеризовал положение партизан, ознакомил их с планом предстоящей операции, призвал весь личный состав любой ценой выиграть этот дерзновенный, решающий бой.

— Иного пути, кроме как идти на Делятин, у нас нет. Так вперед же, товарищи, и только вперед, пока бьются наши сердца!

После собрания комиссар решил побывать в некоторых подразделениях. Вот он тихо приблизился к командиру девятой роты Бакрадзе, который, сидя под кустом на камне, изучал приказ о штурме Делятина.

— К бою готов, Давид?

— Готов, товарищ генерал!

— Это будет очень тяжелая и ответственная операция, Давид, но ее нам обязательно нужно выиграть,— еще раз напомнил Руднев.— А каково настроение бойцов вашей роты?

— Настроение боевое,— улыбнулся Бакрадзе.— Люди готовы идти хоть до Берлина, но у них пустые животы. Уже пятые сутки живем впроголодь.

— Да-а-а,— молвил задумчиво Руднев,— голод в бою нам не союзник, а враг,— и, подозвав заместителя командира соединения по хозяйственной части Павловского, распорядился: — Сейчас же раздать подразделениям весь неприкосновенный запас и накормить людей.

Через полчаса, хлебая из котелка затирку, приправленную салом, автоматчик Синиченко весело напевал:

Там было угощенье:
Печенье и варенье,
Из медведя жареный фалей...

— Не «фалей», товарищ Синиченко, а «филе»,— приблизившись к разведчикам, поправил Руднев.

— А нам, товарищ комиссар, одинаково, «фалей» или «филе», лишь бы мясо,— хохотали партизаны.— Садитесь и угощайтесь вместе с нами.

— Спасибо, я уже пообедал. Это здорово, товарищи, что у вас хорошее настроение перед решающим боем. Воин всегда чувствует себя увереннее, если у него светло на душе...

А когда стемнело и подразделения выступили на Делятин, партизаны опять услышали голос любимого комиссара:

— Товарищи! По радиации получено радостное сообщение: Красная Армия на фронте наступает. Советские войска уже приближаются к нашим родным местам — Харькову, Сумам, Путивлю, Глухову... Близится час освобождения всей советской земли от гитлеровской нечисти. Так вперед же и только вперед, герои!

Вот Семен Васильевич увидел среди бойцов Радика, и теплые отцовские чувства переполнили все его существо.

Юноша вышел из колонны, приблизился к отцу.
— Ну ты как, Радя, со мной пойдешь?— ласковым взглядом посмотрел на сына.

— Нет, отец, пойду с разведчиками...

— Тогда будь счастлив, сынок,— крепко прижал его к груди, затем, обгоняя партизан, комиссар поспешил в голову колонны...

Будто горный обвал, как грозный неудержимый поток, обрушились ночью партизанские батальоны на Делятин. Ошеломленные неожиданным нападением, эсэсовцы в панике выбегали из домов, прятались в огородах и садах и, неорганизованно отстреливаясь, убегали за Прут. На одной из бронемашин, охранявших штаб, пользуясь ночной темнотой, удалось ускользнуть и «мастеру горной войны» генералу Крюгеру. Две другие машины даже не успели развернуться в узких улочках горного городка и теперь пылали невдалеке от штаба.

В течение часа партизаны захватили и взорвали железнодорожную станцию, мосты на железной и шоссейных дорогах и пробились к большому мосту на реке Прут.

— Вперед, товарищи! Не останавливаться!— сквозь трескотню автоматов слышался в ночной темноте ободряющий голос Руднева.

Через некоторое время комиссар с небольшой группой бойцов комендантского взвода появился у моста, подошел к Вершигоре, руководившему переправой:

— Вот тебе, Петрович, минеры и рота автоматчиков для охраны моста. Что бы ни случилось, держи его, пока через него не пройдет последний партизан. Ну а потом поджигай бикфордов шнур и следуй за колонной. А мы сейчас же пойдем дальше!— и, возбужденный, окрыленный удачным началом решаю-

щей операции, пошел вперед во главе небольшой группы бойцов...

На рассвете за селом Заречье, куда повел партизан Руднев, неожиданно разгорелся жаркий бой. На востоке занималась алая заря, а окружающие горы и долины оглашались грохотом жестокого сражения. Комиссар руководил боем на одном из самых опасных участков под горой Раховец, с небольшой группой бойцов преградив путь эсэсовцам, прибывшим на машинах на помощь уже разгромленному делятинскому гарнизону и неожиданно навязавшим встречный бой.

«Если к утру не прорваться сквозь заслон гитлеровцев, погибнет все соединение,— рассуждал комиссар, остановившись на лужайке возле горного потока.— А не удастся прорваться, нужно подольше задержать врага и дать отрядам возможность избежать смертельного удара».

Заметив, как с горы Раховец застрочили вражеские пулеметы, комиссар командовал:

— Товарищи, быстрее на высоту! Оттуда мы будем бить проклятых фашистов.

Бойцы только что подошедших восьмой и девятой рот во главе с Давидом Бакрадзе (командир восьмой роты Сергей Горланов был уже убит), выполняя приказ комиссара, дружно бросились на приступ, могучим ударом смели эсэсовцев с горы и высотами повели наступление на Белые Ославы. На дороге запылали расстреливаемые партизанами немецкие машины.

В это время к Рудневу, который остался с несколькими бойцами комендантского взвода, подошли роты второго батальона во главе с комбатом Кульбакой и комиссаром Шульгой, взвод разведчиков под командованием Бережного. Семен Васильевич при-

казал им пробиваться вперед, обходя противника правее дороги.

— Товарищ комиссар, вам оставаться здесь опасно,— вышел из-за куста лейтенант Деркач, которого накануне похода на Карпаты назначили помощником начальника штаба соединения по связи.— Впереди большие силы противника. Давайте временно отойдем на окраину Заречья.

— Верно,— поддержал его Бережной.— Вам, Семен Васильевич, не обязательно быть в первых рядах. Отходите на Заречье, я дам вам для прикрытия десяток автоматчиков с ручным пулеметом.

— Никакой опасности я не вижу! — рассердился Руднев.— Немедленно всем вперед, на Белые Ославы! Слышите, какая стрельба там поднялась? Там сейчас нужен каждый боец, каждый автомат и пулемет, а вы личную охрану для комиссара организуете! Сейчас подойдут основные силы, и мы собьем это фашистское дерьмо с дороги! — и потом, немного остыв, спросил: — А почему, капитан, я не вижу среди ваших бойцов Радика?

— Его оставил возле себя на окраине Заречья начальник штаба Базыма,— ответил Бережной и побежал вверх вдоль потока вслед за своими разведчиками.

Через несколько минут там вспыхнула и быстро стихла стрельба. Правее с пригорка, куда должны были пробиться бойцы второго батальона и разведчики Бережного, по группе Руднева застрочили пулеметы, ударил миномет. Положение усложнялось с каждой минутой. На помощь гитлеровцам подходили подразделения с гор. Над полем боя появился самолет-корректировщик.

— Предупредить тылы и раненых об опасности! — посылал Руднев связных к Ковпаку, который

выводил соединение из гор, однако связные уже не смогли пробиться сквозь ливень вражеского огня.

Группа Руднева оказалась в окружении. И когда на восемнадцать партизан, залегших вокруг раненого в этой смертельной схватке комиссара, пошли цепи гитлеровцев, никто из ребят не дрогнул. До последнего патрона бились, защищая комиссара, Алексей Деркач, Петр Скрыльник, Галя Борисенко... До последней капли крови дрался Семен Васильевич Руднев, пока вражеская пуля, ударившая в голову, не оборвала его жизнь...

2

Почти целый день 4 августа на горах и в долинах между Делятином и Белыми Ославами вспыхивали жаркие схватки партизан с фашистами. Целый день, истекая кровью, пробивались разрозненные после жестокого утреннего боя партизанские подразделения на гору Дилок за селом Черный Поток, куда С. А. Ковпак вывел штаб и тылы соединения.

Потеряв многих товарищей, в том числе и своего комиссара П. Г. Шульгу, пробились сквозь густые вражеские цепи глуховчане — партизаны второго батальона. Прикрываясь высокими берегами горного потока и расстреливая эсэсовцев из автоматов, провались разведчики Бережного.

На другой день утром на совете командиров было решено: чтобы обмануть врага и рассеять его силы, всех партизан разделить на семь отдельных групп, которые должны были самостоятельно выходить из гор. Когда в долины начали опускаться сумерки, все группы по разным маршрутам двинулись в путь.

И опять, как два месяца тому назад, на широких

просторах от Львова до Збруча загремели бои, запылали пожарища, заухали частые взрывы. Днем и ночью летели под откос поезда на железных дорогах, горели скирды хлеба и усадьбы новоиспеченных гитлеровских помещиков, взлетали в воздух мосты и склады, танки и машины с полевой жандармерией и эсэсовцами. То партизаны, возвращаясь из рейда, жестоко мстили фашистам за своего любимого комиссара, за товарищей, погибших в Делятинском бою.

А высокими карпатскими верховинами, с полонины на полонину, от села к селу, из уст в уста как эстафета подвига ходили слухи, что Руднев не погиб. Нашлись люди, которые будто бы видели, как два партизана и девушка подхватили на руки тяжело раненого комиссара, пробились сквозь густые цепи врагов и понесли его высоко в горы.

Старые гуцулы принесли раненому целебные травы, живую воду, и он быстро выздоровел. А став на ноги, созвал к себе отважных легинив со всех Карпат, организовал новый отряд. И нет с той поры фашистам жизни в горах. Падают ночью и днем их солдаты, скошенные партизанскими пулями, взлетают на минах и обрываются в глубокие ущелья танки и автомашины. Народные бойцы как вихрь налетают на оккупантов, забирают у них награбленное добро и отдают его людям. А водит тех партизан красивый, с черными пышными усами легинь, брат самого Довбуша, храбрейший из храбрых комиссар Руднев...

Народ не мог поверить в смерть своего героя. Не верили в нее и ковпаковцы, которые, возвратившись с Карпат, снова собрались в дружную боевую семью и продолжали, как и раньше, громить оккупантов.

...Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1944 года С. В. Рудневу присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Тогда же по по-

становлению правительства Украинской ССР Сумское соединение переименовали в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака. Первому полку этой дивизии было присвоено имя Героя Советского Союза генерал-майора Семена Васильевича Руднева. Полк имени Руднева в составе дивизии, которой после отзыва С. А. Ковпака на государственную работу командовал П. П. Вершигора, совершил новые боевые рейды в братскую Польшу, на Сан и Вислу, к берегам Западного Буга и Немана, к границам Восточной Пруссии. И везде, где пришлось еще пройти ковпаковцам, водил их от победы к победе, вдохновляя на героические дела, кристально чистый образ пламенного комиссара Семена Васильевича Руднева.

3

Ровно через год после Делятинского боя, летом 1944 года, приказом начальника Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкача была создана специальная поисковая группа для расследования обстоятельств гибели и установления места нахождения останков С. В. Руднева и его сына Радия, погибшего при выходе из гор. Все члены группы — опытные разведчики Н. А. Бобин, И. Ф. Манохин, Ф. А. Мычка во главе с командиром разведки Глуховского отряда Н. Г. Шумейко — участвовали в Карпатском рейде и хорошо знали местность, которую им предстояло обследовать. Выполнение задачи облегчалось еще и тем, что в памяти многих проживающих здесь людей были еще очень свежи события недавнего рейда.

Путем тщательного изучения местности между Делятином и Белыми Ославами, перипетий восточного боя 4 августа 1943 года, а также опроса местных жителей, принимавших участие в погребении погибших партизан, разведчикам удалось у горы Раховец установить могилу, в которой вместе с восемнадцатью бойцами был захоронен и С. В. Руднев.

Тогда же у разведчиков и жителей Белых Ослав возникло желание с почестями перезахоронить останки комиссара Руднева и его боевых товарищей. Но вблизи, сразу же за Делятином, проходила линия фронта, гремели бои, и было решено отложить это до того времени, когда фронт откатится дальше на запад и будет освобождено все Прикарпатье.

Разведчикам удалось также установить и место гибели Радика Руднева. Радик шел в группе, которую вел на Полесье И. И. Бережной. После одного неравного боя, навязанного фашистами под селом Слободка Польна, недалеко от Коломьи, тяжелораненый Радик в силу обстоятельств остался на поле боя. Не замеченный фашистами, он, теряя последние силы, ночью выполз на луг, где его нашел и спрятал в своей усадьбе местный крестьянин Алексей Кифьяк. Восемнадцатилетняя дочь Кифьяка Софийка и местный комсомолец-подпольщик Григорий Никифорук делали все возможное, чтобы спасти юного партизана. Но тяжелое ранение разрывной пулей стало роковым. На десятые сутки Радик умер. Кифьяки похоронили юношу в своей усадьбе.

После окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками, летом 1946 года, прах комиссара С. В. Руднева и всех погибших в Делятинском бою партизан был перенесен в живописное местечко Яремче, близ Делятина. Сюда же, в братскую могилу, перевезли останки Радика Руднева.

Всегда ты будешь живым примером...

Ясным сентябрьским днем 1961 года в древний, овеянный боевой славой Путивль, где все дышит памятью о комиссаре С. В. Рудневе¹, съехались из всех уголков нашей необъятной Родины бывшие партизаны-ковпаковцы. В десятом часу выстроенная в четыре ряда колонна отошла от здания райкома партии, в котором во время взятия партизанами Путивля в мае 1942 года располагался штаб Ковпака, повернула на центральную улицу и не спеша двинулась в направлении Гузеевской площади. Впереди шагал с депутатским значком и двумя Золотыми Звездами на груди С. А. Ковпак. За ним в два ряда шли восемь Героев Советского Союза — воспитанников и учеников Ковпака и Руднева: Д. И. Бакрадзе, П. Е. Брайко, П. П. Вершигора, В. А. Войцехович, П. Л. Кульбака, А. Н. Ленкин, С. П. Тутутченко, А. К. Цимбал. А даль-

¹ По желанию трудящихся Путивльского района село Берюх, в которое вошла деревня Моисеевка, где родился и вырос прославленный комиссар, переименовано в село Руднево. Имя Героя Советского Союза С. В. Руднева присвоено Путивльскому педагогическому училищу. В городе на домике, в котором жил С. В. Руднев, а также на здании бывшего Дома обороны установлены мемориальные доски.

Постановлением Совета Министров Украинской ССР находящийся в 12 километрах от Путивля Спадщанский лес объявлен музеем-заповедником партизанской славы. В нем восстановлен партизанский лагерь, построено здание музея, сооружен Монумент партизанской славы. Многочисленные реликвии, экспонаты и документы, собранные в музее-заповеднике, рассказывают о боевом пути ковпаковцев, воскрешают героический образ их славного комиссара. Спадщанский лес и Путивль стали местом паломничества трудящихся нашей страны и иностранных туристов. Их ежегодно посещают тысячи рабочих, служащих, колхозников, студентов и школьников.

ше — батальон за батальоном, подразделение за подразделением, сияя орденами и медалями, высоко подняв головы, шагали бывшие партизаны, а теперь мирные труженики. По обе стороны на тротуарах их приветствовали тысячи людей, приехавшие на партизанский праздник из всех окружающих районов.

На площади, расцвеченной знаменами и транспарантами, партизаны расположились тесным полукругом вблизи гранитного постамента, покрытого белым полотнищем. Через несколько минут на сколоченную из досок трибуну поднялись руководители Сумской области и Путивльского района, представители трудящихся, бывшие партизанские командиры, а также жена Руднева Домника Даниловна, его младший сын Юрий и старший брат — старый петроградский большевик Василий Васильевич Руднев.

Митинг открыл секретарь Путивльского райкома партии и предоставил слово дважды Герою Советского Союза, заместителю Председателя Президиума Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики Сидору Артемьевичу Ковпаку. Подробно остановившись в своей речи на всемирном значении победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и особо подчеркнув роль партизанского движения в разгроме врага, прославленный партизанский вожак сказал:

— Нелегко далась нам победа. Много сынов нашего народа отдали для ее достижения самое дорогое, что у них было, — жизнь. Но память о людях, беззаветно преданных Родине, Коммунистической партии, будет вечной, а их подвиги бессмертными. Сегодня, отмечая двадцатую годовщину со дня организации Сумского партизанского соединения, которым в годы войны мне довелось командовать, мы открываем памят-

ник одному из самоотверженных борцов за Советскую власть, мужественных защитников завоеваний Октября, нашему легендарному комиссару, Герою Советского Союза Семену Васильевичу Рудневу.

Товарищ Руднев был пламенным патриотом Советской Родины, стойким коммунистом-ленинцем, человеком завидного мужества и безграничной храбрости. Пусть же гранит и бронза монумента, запечатлевшие его образ, рассказывают нашей молодежи и последующим поколениям о героизме советских людей, зовут их на подвиги в борьбе за мир, за претворение в жизнь величественных предначертаний Коммунистической партии. По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Украины и правительства Украинской Советской Социалистической Республики памятник объявляю открытым!

Сидор Артемьевич сошел с трибуны, приблизился к постаменту и перерезал красную ленту. Торжественно зазвучала мелодия Гимна Советского Союза. С монумента медленно спало покрывало, — и перед тысячами людских взоров в бронзе как живой предстал Руднев.

На плечи наброшена шинель. Слегка приподнятое вверх, повернутое влево мужественное вдохновенное лицо — любимая поза комиссара-трибуна, который будто приготовился произносить речь.

На красном мраморе постамента высечены слова:

**Герой Советского Союза
РУДНЕВ**

**Семен Васильевич
(1899—1943 гг.)
генерал-майор**

**Комиссар соединения
партизанских отрядов
Сумщины**

К подножию памятника люди кладут живые цветы, венки. Их много — от партизан, от воинских частей, от трудящихся Путивля, Глухова, Шостки, Кролевца, Конотопа... От родных и близких. На одном из них металлическая пластинка с надписью:

«Всегда ты будешь
Живым примером,
Призывом гордым
К свободе, к свету».

Около часа длился митинг. Выступали представители трудящихся, партизаны, близкие и родные Руднева, его соратники по борьбе и коллеги по работе. И все говорили о комиссаре как о славном сыне Коммунистической партии, выдающемся организаторе и руководителе партизанского движения на Украине, память о котором будет жить в веках.

...Опять звучат Гимны Советского Союза и Украинской Советской Социалистической Республики. Печатая шаг, мимо памятника, утопающего в цветах, проходит почетный караул. С приспущенными знаменами идут партизаны, пионеры, группа знаменосцев, колонны трудящихся...

И когда отзвенели трубные звуки Гимна, над морем людских голов высоко взметнулся звонкий голос восемнадцатилетнего Виктора Тютерева, который вместе с отцом и матерью приехал из далекого Омска на партизанский праздник:

В чистом поле, в поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман...

Задушевную партизанскую песню подхватили тысячи голосов:

Там лежит в сырой земле зарытый,
Там схоронен Руднев-партизан.

Но не в чистом поле под одинокой ракитой, а в многолюдном карпатском городе Яремче похоронили партизаны своего любимого комиссара и назвали его именем улицы в городах, кинотеатры и дворцы культуры, колхозы, пионерские дружины и отряды.

...На траву, да на траву густую
Он упал, простреленный в бою.
За Советы, за страну родную
Отдал жизнь геройскую свою,—

мощно неслась над древними путивльскими холмами и башнями, над широкой поймой голубого Сейма, над знаменитым Спадцанским лесом волнующая мелодия и звала на новые подвиги во славу Советской Отчизны.

Содержание

Криница Руднева	3
Коммунист не бывает в отставке	7
Во главе отряда	11
Силы удвоились	17
От отряда к соединению	38
Товарищ, друг, талантливый военачальник	67
Борьба за вершины	99
До последней капли крови	113
Всегда ты будешь живым примером...	123

Алексей Евсеевич Палажченко
ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Ю. И. Харченко*
Младший редактор *З. У. Устенова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *О. М. Семенова*

ИБ № 1709

Сдано в набор 6 октября 1977 г. Подписано в печать 4 января 1978 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Услови. печ. л. 5,95. Учетно-изд. л. 5,39. Тираж 200 тыс. экз. А00601. Заказ № 2169. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1978